

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЖИВЫМ НЕ ВЕРИТЬ

АРТЕМ САВЕНКОВ

16+

Арте́м Саве́нков

Живым не верить

«Автор»

2026

Савенков А.

Живым не верить / А. Савенков — «Автор», 2026

Павлу Громову дали семь лет за убийство. Потом появилась запись, на которой погибший ещё жив. Кровь на рукаве, отпечатки на ноже, запись с камеры у ворот — у следствия было всё, кроме признания. За четыре месяца состоятельный предприниматель превратился в заключённого. Теперь его жена считает дни до свидания, а сын привыкает ждать звонка. Новый адвокат берётся за дело, которое все считают законченным. Появляются новые свидетели. Привычные улики обретают другой смысл. История убийцы превращается в историю невиновного человека, которого ждут дома. Только следователь Савельев не верит в чудесное спасение. Он слишком хорошо помнит ту ночь — и готов поставить под удар собственную карьеру, чтобы разобраться, кому понадобилась новая правда. Кому поверить, когда у каждой правды есть убедительные доказательства?

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Часть вторая	39
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	47
Глава 14	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Арте́м Саве́нков

Живым не верить

Арте́м Саве́нков

Живым не верить

Роман

2026

Все события и действующие лица вымышлены

Часть первая

После удара

Глава 1

Белый ковер

Холодильник включился в ту минуту, когда Павел понял, что салфетка больше не помогает.

Он прижимал ее обеими руками. Белая ткань быстро темнела, пальцы скользили, и от этого хотелось надавить сильнее, хотя сильнее уже было некуда. Вадим лежал на боку, неестественно подвернув ногу. Полоска голой кожи между носком и брючиной казалась особенно неприличной: такую мелочь следовало немедленно поправить.

Павел потянул брючину вниз и снова приложил ладонь к салфетке.

— Вадик.

Ответа не было.

Из кухни доносилась вода. Недавно Ланской открыл кран, чтобы сполоснуть бокал, и оставил его течь. Вода била о металлическое дно мойки. В холодильнике что-то тихо дребезжало. Эти звуки мешали понять, дышит ли человек на полу.

Павел наклонился. От дорогого лосьона, которым пользовался партнер, теперь пахло слабее, чем от мокрой ткани.

Телефон завибрировал на столе. На экране появилась Елена: фотография у моря, светлая прядь поперек щеки. Павел посмотрел на нее и не сразу сообразил, почему жена не может просто войти и помочь. Она находилась дома, в тридцати километрах отсюда. Тимофей, наверное, опять не хотел ложиться.

Звонок прекратился.

Павел вытянул правую руку, собираясь взять телефон. Кровь оставила на столешнице четыре неровных отпечатка. Он замер, глядя на них. Затем перевернул аппарат экраном вниз.

На полу возле стула лежал нож. Рукоятка была повернута к двери, словно кто-то аккуратно положил его так, чтобы удобно поднять. Павел отодвинул нож носком ботинка. Лезвие негромко стукнуло о ножку стола.

Он снова произнес имя.

Раньше «Вадик» можно было сказать с раздражением, насмешкой, просьбой. Теперь оставался только звук, который ничего не менял.

Павел знал этот дом лучше, чем некоторые собственные помещения. За лестницей — гостевой санузел. В шкафу у входа — коробки с бахилами для мастеров. Серый брелок от ворот висел на крючке, потому что Ланской терял все, что не было прикручено или подвешено. Три недели назад Павел сам выбрал ему этот крючок в магазине при заправке. Они тогда смеялись: человек, который распоряжается сотнями миллионов, не способен организовать три ключа.

На другом конце стола стояла тарелка с хлебом. Один ломоть упал коркой вниз и прилип к круглому следу от бокала. Вадим ненавидел, когда хлеб намокал. Отодвигал тарелку двумя пальцами, звал кого-нибудь, даже если рядом никого не было, кроме Павла. Сейчас Павел зачем-то выпрямил ломоть. Потом увидел красное пятно на белой мякоти и отдернул руку.

Ему стало холодно. Он был в теплом доме, подогретый пол грел колени сквозь ткань, но холод шел изнутри и добирался до зубов. Павел попробовал перестать стучать ими. Сжал челюсти. В висках сразу заболело.

Вадим лежал слишком близко к ножке стола. Павлу казалось, что, если чуть передвинуть его, появится возможность что-нибудь понять. Он взялся за плечо, потянул и остановился. Тело оказалось тяжелее человека. Раньше Ланской все время двигался, даже когда слушал: поправлял часы, стучал пальцем, откидывался назад. Эту тяжесть невозможно было связать с ним.

— Давай, — сказал Павел. — Ну давай же.

Он сам не знал, чего просит. Подняться, открыть глаза, выругаться. Особенно — выругаться. Одно раздраженное слово сейчас могло бы вернуть размеры комнате и заставить все предметы занять прежние места.

У Вадима на запястье зацепилась за манжету часовая застежка. Павел увидел ее и вспомнил прошлую осень: сломанный лифт в деловом центре, лестницу, их общее сердитое дыхание. На шестом этаже Ланской достал телефон и снял Павла, который остановился перевести дух. Потом неделю присылал этот снимок с подписью «Молодой перспективный партнер». Павел хотел удалить фотографию из переписки, но оставил. На ней они оба смеялись.

Теперь хотелось позвонить кому-нибудь, кто помнил эту лестницу. Сказать, что еще вчера такое существовало. Но любой звонок требовал следующей фразы, а следующую он произнести не мог.

Со стороны окна донесся короткий щелчок. Павел повернулся всем корпусом. Ничего: отопительная труба, остывающий металл. За стеклом отражалась комната. В отражении Вадима не было видно, только край стола и человек, стоящий над чем-то низким. Павел отвел взгляд.

Он присел снова. Надавил на ткань, хотя ладони уже затекли. Сосчитал до десяти, будто за это время должно было произойти изменение. Потом начал сначала. Цифры сбивались. Четыре, пять, семь. В конце концов он заметил, что считает вслух.

Вода продолжала течь. Надо было закрыть кран. Такое простое движение: пройти три шага и повернуть рукоятку. Павел сделал шаг, остановился и вернулся к столу. Если вода замолчит, придется услышать все остальное.

Он поднялся. Ноги затекли, и пришлось ухватиться за спинку стула. На белом ковре остались следы коленей.

Звонить надо было сейчас. Он даже разблокировал телефон. На экране сохранилась переписка с Ланским. Последняя строка принадлежала Вадиму: «Приезжай один. Закончу с этим сегодня».

Павел закрыл переписку.

В прихожей зажглось автоматическое освещение. В зеркале стоял широкоплечий мужчина с серым лицом. Один рукав у него был подвернут, другой висел мокрым. Павел попытался привести их к одинаковому виду и бросил.

Из кармана не вытаскивались ключи. Он дернул ткань, вывернул подкладку и уронил на пол металлический жетон из детского игрового центра. Тимофей сунул его отцу вчера, велел сохранить до субботы. Жетон прокатился под тумбу.

Павел опустил на корточки и достал его. Осторожно обтер о внутреннюю сторону пиджака.

На улице было тихо. Вдоль дорожки горели низкие светильники. На снегу возле машины лежал кусок березовой коры, похожий на смятую бумагу. Павел услышал, как за забором кто-то кашлянул, и нажал кнопку брелока раньше, чем дошел до водительской двери.

Ворота поехали медленно. Раньше они никогда не казались ему медленными.

Он не включал музыку. Навигатор предложил дорогу домой, и Павел убрал маршрут. На панели зажглось предупреждение о непристегнутом ремне. Он щелкнул замком, машинально раздражаясь на звук.

У поворота оглянулся.

К дому подъехал небольшой фургон. Из него вышел человек в рабочей куртке, остановился у крыльца и посмотрел на открытые ворота. Павел узнал Николая, который присматривал за отоплением и приезжал по поздним вызовам Ланского.

В доме зажегся верхний свет.

Павел нажал на газ.

На дороге позади ничего не происходило. Никто не кричал, не бежал за машиной. Несколько секунд это давало почти физическое облегчение. Затем он увидел в зеркале, как Николай застыл в дверях, и понял, что эти несколько секунд уже закончились.

Глава 2

Шесть часов свободы

Через пятнадцать минут Павел остановился перед красным сигналом и обнаружил, что не знает, куда едет.

Слева находилась круглосуточная аптека. Он много лет проезжал мимо и лишь сейчас заметил черный глаз камеры над входом. Камера была и на светофоре. Еще одна смотрела с фасада банка, где его знали по имени-отчеству и приносили кофе в переговорную.

В машине стало жарко. Павел уменьшил температуру, потом совсем выключил обогрев. Влажный рукав охлаждал запястье.

Он позвонил водителю.

Гудки шли долго. Наконец сонный Сергей сказал:

— Павел Андреевич? Что-то случилось?

— Нет. Ты дома?

— Да.

— Спи.

Он отключился и сразу понял, как странно прозвучал этот разговор. Хотел перезвонить, объяснить, что перепутал номер, но не сделал этого.

От Елены пришло сообщение: «Ты еще у Вадима? Позвони, как поедешь».

Павел набрал «Все нормально». Посмотрел на слова, стер. Написал: «Задержусь».

Потом выключил телефон.

На стоянке у торгового центра дежурный уборщик сгребал снег с пустого тротуара. Павел наблюдал за ним, пока тот не поднял голову. Тогда завел двигатель. Ему казалось, что человек слишком долго смотрит на машину, хотя тот уже отвернулся.

В кармане лежал жетон. Павел вертел его между пальцами и вспоминал, как Тимофей объяснял правила игры: надо успеть добежать до последней платформы, пока не кончится время. Сын сердился, когда отец посреди объяснения отвечал на звонки.

Нужно было решить что-нибудь одно. Вернуться. Поехать домой. Позвонить Лукиной — нет, Лукину он почти не знал, только видел на одном деловом ужине. Позвонить человеку, который умеет говорить с людьми, когда говорить уже невозможно.

Он включил аппарат. Экран залили уведомления. От Елены было четыре пропущенных. Один номер принадлежал дежурному администратору компании. Павел выключил телефон снова, не открывая ничего.

Он долго ездил по одним и тем же улицам, не узнавая повторений. Потом заметил грузовую машину с желтой кабиной: уже второй раз она стояла у магазина, и тот же мужчина курил возле открытого борта. Значит, Павел сделал круг. Он почувствовал почти детскую обиду на город, который продолжал показывать ему одинаковые места.

В кармане двери лежали темные очки, хотя солнца не было уже много часов. Он взял их, положил на сиденье рядом и сам испугался этого движения. Очки ничего бы не изменили. Ветровое стекло оставалось прозрачным, номер — прежним, он сам — человеком, которого знали на этой дороге.

На пустой остановке девушка поправляла наушник. Рядом мужчина держал за руку ребенка в огромной шапке. Мальчик дергал взрослого к киоску, показывал что-то сквозь витрину. Мужчина сначала мотал головой, потом сдался и полез за кошельком. Павел смотрел на них, пока сзади не посигналили. Он обнаружил, что стоит на зеленый.

Вчера он отказал Тимофею в какой-то покупке. Даже не помнил, в какой. Сказал: в субботу. Суббота всегда казалась запасным днем, куда можно было складывать все невыполнен-

ное. Там помещались поход за игрушкой, разговор с женой, звонок матери. Сейчас этот день вдруг стал недоступным, хотя до него оставалось совсем немного.

Павел съехал к обочине. Достал телефон, не включая. На темном стекле виднелись отпечатки. Он стал вытирать их краем пиджака, потом бросил аппарат на соседнее сиденье так резко, что тот ударился о застежку ремня. От звука Павел вздрогнул.

Перед ним была вывеска небольшого кафе. Внутри переворачивали стулья, мыли пол; женщина двигала швабру вокруг ножек стола. Из приоткрытой двери шел теплый пар. Он мог войти, заказать чай и сидеть рядом с людьми, которым ничего о нем не известно. Эта мысль держала его минут пять. Потом он представил, как женщина спрашивает, что с рукавом, и остался в машине.

Около четырех он все-таки включил телефон и набрал домашний номер. Два гудка. Он успел услышать шорох, прежде чем нажал отбой. Почти сразу на экране появилось «Лена». Павел смотрел, как фотография жены закрывает собой время, погоду, все остальные значки. Он провел большим пальцем по краю чехла. Экран погас сам.

Несколько секунд спустя пришло сообщение: «Ты где? Просто скажи, что живой».

Он прочитал его несколько раз. Ответить на этот вопрос было легче всего. Но за ним должны были последовать другие, и Павел снова выключил аппарат.

К рассвету бензина оставалось меньше четверти. Заправляться почему-то стало страшно. Он свернул к гостинице «Поворот», куда иногда селили приезжих наладчиков. Рядом стояли две фуры, легковая машина с грязным багажником и автобус без пассажиров.

В холле пахло вчерашней выпечкой и влажным ковролином. Женщина за стойкой смотрела передачу без звука. Из телевизора улыбался повар.

— Номер до обеда, — сказал Павел.

Она подвинула к нему бланк.

— Паспорт.

Он достал документ и увидел на сгибе обложки темный след. Прижал большой палец к пятну, будто мог его закрыть.

Женщина ничего не сказала. Переписала данные, положила перед ним ключ с большим деревянным брелоком. Номер был на втором этаже.

Павел поднялся, неся пиджак на согнутой руке. В ванной долго ждал горячую воду. На кафеле изображались морские камни, и один рисунок повторялся через каждые две плитки. Он смотрел на эти одинаковые камни, пока вода в раковине не стала прозрачной.

Рубашку бросил в ванну. Пятно на манжете не исчезло.

Он сел на кровать, не снимая ботинок. Под покрывалом лежало что-то твердое: пульт. Павел вытащил его, переложил на тумбочку и только тогда заметил, что дрожит.

Через стену было слышно, как кто-то кашлянул и спустил воду. По коридору провезли что-то на маленьких колесах. Гостиница просыпалась. У людей начинался обычный день: надо было умываться, искать носки, ругаться из-за холодного завтрака. Павел подумал, что сможет спрятаться внутри этого дня, если будет делать то же самое.

Он поднялся, попробовал снять ботинки и не смог развязать узел. Пальцы скользили по шнурку. Тогда опустил ногу и остался сидеть. На тумбочке лежала карточка с паролем от беспроводной сети. Под паролем обещали уют и домашнюю атмосферу. Ему захотелось порвать карточку. Вместо этого он выровнял ее по краю тумбочки.

В дверь постучали через несколько минут.

— Минуту.

Он встал. Стук повторился, уже другой, требовательный. Павел открыл и увидел темную куртку, за ней вторую. Дальше все происходило так быстро, что отдельные движения не складывались в смысл. Его развернули, прижали к стене, потребовали не дергаться. Рука оказалась под неправильным углом. Он пытался сказать, что не сопротивляется.

— Громов Павел Андреевич?

— Да. Подождите, я...

Один ботинок соскочил. Павел увидел свою ногу в темном носке и испытал унижительное желание попросить, чтобы ему дали обуться. В коридоре стояла горничная с тележкой. Она смотрела в сторону, но не уходила.

В машине сотрудник спросил, где телефон. Павел ответил. Тот ничего не записал.

— У Ланского на кухне вы сидели или в гостиной?

Павел повернул голову.

— Что?

— На кухне спрашиваю или в гостиной?

Он смотрел на светлую полосу рассвета между домами. Сотрудник нетерпеливо повторил вопрос.

О месте на полу Павел еще никому не рассказывал.

Глава 3

Все уже знают

На столе у Савельева стояла кружка с отколотой ручкой. Ее поворачивали поврежденным местом к стене, но Павел сидел сбоку и видел скол.

Следователь прочитал его фамилию, имя, отчество. Уточнил дату рождения, место работы. Голос у него был негромкий, без необходимости кому-либо нравиться. Он сообщил, в чем Павла подозревают, и разъяснил права. Павел слышал знакомые слова, которые до этого относились к другим людям.

— Защитник будет, — сказал Савельев. — Сейчас устанавливаем данные. Вопросы по обстоятельствам с ним.

— Я хочу позвонить жене.

— Уведомление сделаем. Контакт назовите.

Павел продиктовал номер и ошибся в последних цифрах. Пришлось начать заново.

Савельев исправил запись. В этом коротком движении не было ни злорадства, ни сочувствия. Он словно оформлял давно понятный заказ.

— Вы рано уехали, — сказал он потом, закрывая папку.

— Что?

— Из гостиницы. Номер до обеда оплатили.

Павел не понял, была ли это шутка. Он ждал продолжения, но следователь уже разговаривал с человеком у двери.

Через некоторое время принесли фотографию. Павел увидел знакомый белый ковер, ногу Ланского, край стола. Отражение вспышки сделало паркет чужим, как в объявлениях о продаже даже квартиры.

— Мы нашли вашу переписку, — сказал Савельев. — И записи с въезда. И одежду.

— Я его не убивал.

Следователь не стал спорить.

— Поэтому вам нужен адвокат.

Савельев вышел ненадолго. Павел остался с сотрудником у двери. Тот стоял в расстегнутой куртке и смотрел в телефон, держа его низко, почти у бедра. Иногда коротко улыбался. Павел пытался понять, позволено ли ему попросить переставить стул. Сиденье было слишком низким; колени упирались в край стола.

— Мне надо в туалет, — произнес он наконец.

Сотрудник поднял глаза с таким выражением, будто Павел нарушил сложный расчет.

— Сейчас.

Он снова посмотрел в экран.

Павел ждал. В прежней жизни это слово он говорил сам. «Сейчас» означало, что человек должен некоторое время потерпеть, пока Павел занимается более важным. Оказалось, у него не было определенной длительности. Оно могло тянуться столько, сколько хотел произнесший.

Когда вернулся Савельев, Павел повторил просьбу уже другим голосом — тише и с ненужным объяснением, что давно терпит. Следователь кивнул сотруднику. Тот убрал телефон.

В коридоре Павел впервые увидел свое отражение в темном окне. Пиджака не было. На рубашке засохли темные неровные участки, один рукав был закатан выше другого. Он опустил голову и пошел быстрее. Сотрудник взял его за локоть.

— Куда разогнался?

— Я не...

— Спокойно.

Павел остановился. Ему показалось, что за полдня слово «спокойно» утратило всякую связь с состоянием человека. Оно означало только одно: не заставляй других менять порядок действий.

В одиннадцать утра Елена сидела на полу гардеробной. Она достала паспорт мужа из верхнего ящика, прежде чем вспомнила, что он был у него. В руках у нее оказался старый заграничный, с обложкой, обкусанной когда-то щенком.

Тимофей ходил за дверью.

— Мам, мне в школу или нет?

— Бабушка сейчас придет.

— А папа?

Елена зажала рот ладонью. Это было ненужное движение: она еще не плакала.

За последние полчаса три человека сказали ей успокоиться. Директор компании предложил прислать машину. Финансовый директор спросила, кто будет подписывать платежи. Она говорила осторожно, но вопрос уже существовал. Жизнь начала обходить Павла, пока Елена даже не знала, где он сидит.

В приемной Вяземского ответила помощница.

— Михаил Олегович на выезде. Я передам срочно.

— Пусть не перезванивает потом. Пусть сейчас.

Помощница помолчала.

— Я поняла, Елена Сергеевна.

Пока Лукина ехала, Елена пыталась собрать передачу. На кухонном столе выросла куча вещей, которые не сочетались между собой: зубная щетка, зарядка, таблетки от головы, толстые носки, упаковка хорошего кофе. Она не знала, можно ли передать кофе, будет ли там чем его заварить, дадут ли Павлу ложку. От последнего вопроса она села.

Тимофей стоял в дверях.

— Это папе?

— Да.

— Он в больнице?

Елена успела обрадоваться готовому объяснению и сразу испугалась того, как легко оно появилось.

— Нет.

— А зачем щетка?

— Ему нужно там остаться.

Мальчик подошел к столу, повертел упаковку носков.

— Эти колются. Он их не надевает.

Елена хотела возразить: хорошие, теплые. Потом поняла, что сын помнит то, чего не помнит она. Сняла носки с кучи и достала другие. Тимофей принес из своей комнаты маленькую машинку со сломанной дверцей.

— Эту можно ему? Он говорил, починит.

— Наверное, пока не надо.

— Там нельзя чинить?

Она закрыла глаза. Не чтобы удержать слезы; чтобы хоть секунду не выбирать слова.

— Я узнаю, Тим.

Он поставил машинку рядом с щеткой и ушел одеваться. Елена оставила ее на столе. К приезду Лукиной вокруг игрушки стояли две чашки с остывшим чаем, но никто ее не тронул.

Ближе к полудню приехала Ирина Лукина. Невысокая женщина с коротко подстриженными седыми волосами и старой кожаной папкой. Она не стала пить предложенную воду, зато сама налила Елене стакан.

— Где вещи, в которых он был вчера?

— Откуда я знаю?

— Хорошо. Кто общался с ним последним?

— Я. Сообщение. Он написал, что задержится.

— Сохраните. Ничего не удаляйте. И никому не объясняйте то, чего не знаете сами.

Елена посмотрела на нее почти с ненавистью.

— Вы верите, что он мог?

Лукина поставила стакан на стол.

— Сейчас я должна выяснить, что с ним происходит. Вера этому не поможет.

Павел увидел ее через несколько часов. Она представилась, предъявила документы, доби-
лась разговора наедине. Села напротив и положила ладони на папку.

— Сначала важное. На вас оказывали давление?

— Пока нет.

— Хорошо. Вам разъяснили, что вы можете не давать показания?

Он кивнул.

Она спросила о самочувствии, о хронических болезнях, о лекарствах. Павлу хотелось немедленно говорить о деле, но от этих посторонних вопросов вдруг стало немного легче: кто-то учитывал, что у него есть тело, которое может заболеть.

Ирина Николаевна достала небольшой блокнот. На обложке остался след от когда-то при-
клеенной наклейки. Павел смотрел на ее пальцы: короткие ногти, простое кольцо, сухая кожа
возле суставов. В этой женщине не было ничего от спасения, которое он представлял себе всю
дорогу. Он ждал человека, способного войти и заставить всех остальных изменить тон. Она
сидела на том же неудобном стуле и спрашивала о таблетках.

— Вы понимаете, кто я? — спросил Павел и сразу услышал, как это прозвучало.

— Знаю вашу фамилию и то, в чем вас подозревают.

— Я не об этом.

— Я поняла.

Она не стала добавлять ничего. Павлу пришлось первым отвести взгляд.

— Здесь это имеет значение? — спросил он уже тише.

— Для людей может иметь. Для того, что мы сейчас должны сделать, — меньше, чем
вам хотелось бы.

Он почувствовал злость и одновременно некоторое облегчение. Она по крайней мере не
пыталась понравиться.

— Я его не убивал, — сказал он.

— Я услышала вашу позицию.

Лукина открыла папку.

— А теперь объясните мне, почему вы уехали.

Глава 4

До утра

Ночью его вывели из помещения, где он успел задремать сидя.

Сотрудник назвался Грачевым. В его голосе было усталое раздражение человека, которому досталась чужая смена. Вторым не представился. На рукаве у него засохло маленькое белое пятно, похожее на след от краски.

— У адвоката свое время, у нас свое, — сказал Грачев, когда Павел спросил, где Лукина.

Он не кричал. Первое время даже казалось, что сейчас произойдет короткое неприятное объяснение и все закончится. Павел попытался говорить тем тоном, которым разбирался с задержанными грузами и сорванными обязательствами.

— Я уже заявил позицию. Давайте продолжим с защитником.

Грачев посмотрел на второго.

— Слышишь? Позицию он заявил.

Потом говорить ровно стало трудно.

Павел не мог бы после точно восстановить порядок. Отдельно помнил край стола, слишком близко оказавшийся у лица. Отдельно — собственное дыхание, которое мешало слышать. Несколько раз ему казалось, что сейчас вывернет, и он больше всего боялся этого, потому что не представлял, что тогда делать с руками.

— Ты пойми, все собрано, — говорил Грачев. — Мы не спрашиваем, ты или не ты. Мы спрашиваем, как.

Павел отвечал одинаково. Иногда ему казалось, что отвечает вслух, а потом требовали повторить.

— Я его не убивал.

Грачев злился не на смысл, а на упорство.

— У тебя сын маленький. Ему это все зачем?

Имя сына Павел не назвал. Оно уже лежало где-то в документах, в телефонах, в чужих разговорах. Осознание этого оказалось почти таким же страшным, как ожидание следующего движения за спиной.

— Вы его не трогайте.

— Кто его трогает? Мы тебе про семью говорим. Нормально же говорим.

Некоторое время спустя в коридоре хлопнула дверь. Грачев замолчал. Вторым вышел, вернувшись, что-то сказал ему на ухо. Павлу дали сесть.

Теперь перед глазами стояла тупая серая пелена. Под нижней губой чувствовалось поврежденное место; он все время касался его языком. Хотелось воды, но просить означало снова обратиться к ним, снова ждать решения. Он смотрел на кружку у окна и не просил.

— Мы ж не изверги, — сказал Грачев, заметив взгляд.

Поставил кружку ближе.

Павел не смог взять ее сразу. Руки дрожали. От этого стало стыдно, хотя он понимал, что стыдиться должен кто-то другой.

— Вот, уже лучше. Теперь давай по-человечески.

Вода пахла металлом и чужим шкафом. Павел сделал один глоток.

— С защитником.

Грачев посмотрел на него долгим, почти обиженным взглядом.

Некоторое время Грачев стоял у окна спиной к нему. На улице включился свет в соседнем здании. Павел видел в стекле чужой затылок и свое согнутое отражение ниже, за спинкой стула. Он постарался выпрямиться. Это потребовало больше усилия, чем он ожидал.

— Тебе же легче будет, — сказал Грачев, не поворачиваясь.

Павел не ответил.

— Сам себе хуже делаешь. Люди же по-разному оценивают, когда человек помогает.

Слово «помогает» осталось между ними. Павел вспомнил кровь под ладонями, но не захотел смотреть на руки. Он держал их на коленях, большие пальцы прижал к швам брюк.

— Вы можете записать, что я прошу врача? — спросил он.

Грачев наконец обернулся.

— Сейчас все записывать будем?

Он произнес это почти устало. Будто Павел был придирчивым посетителем, который требует жалобную книгу из-за недостаточно горячего супа.

Павел открыл рот, чтобы повторить, и не повторил. Грачев увидел это. На лице у него ничего не изменилось, но он подошел ближе и сел напротив.

— Ну вот. Можешь же нормально.

Павел вдруг ясно понял, что молчание тоже можно присвоить. Ему не требовалось соглашаться: достаточно было не возразить вовремя, и другой человек уже называл это началом разговора.

— С врачом, — сказал он. — И с защитником.

Теперь Грачев посмотрел на часы.

До возвращения прошло еще какое-то время. Павел перестал спрашивать, сколько сейчас. В коридоре молодой сотрудник взглянул на его лицо, потом на сопровождавшего и быстро опустил глаза.

В комнате, куда его привели, он лег на бок и обнаружил, что не может найти положение, в котором не болит. Лежал, прижав ладони к животу, и считал вдохи. Из-за стены доносился кашель. Кто-то несколько раз прошел по коридору. В замке звякнул металл, и Павел всем телом приготовился встать, но дверь не открыли.

Он вспомнил, как месяц назад Тимофей упал с велосипеда в крытом парке. Тогда сын кричал не от боли, а от возмущения: отец обещал, что будет держать. Павел долго объяснял, что иначе невозможно научиться. Теперь эти объяснения казались отвратительно удобными.

Сосед по комнате проснулся от того, как Павел перевернулся. Долго молчал, потом спросил, есть ли у него вода. Павел показал на кружку.

— Тебе, — уточнил сосед.

Громов не сразу понял. Мужчина сел, подтянул тапки носками и придвинул кружку к краю так, чтобы можно было достать, не вставая. На нем была кофта с вытянутой горловиной; из-под нее виднелась старая выцветшая татуировка. Павел вспомнил, как еще днем машинально отодвинулся бы от такого человека в очереди.

— Первый раз? — спросил мужчина.

Павел кивнул.

— Видно.

Он снова лег. На этот раз — лицом в комнату.

— Как тебя зовут?

— Павел.

— Я Леха.

Помолчали.

— Спи, Паша. Если сможешь.

Павел не хотел, чтобы его так называли. Слишком по-свойски, слишком близко. Потом он обнаружил, что за несколько часов это первое обращение, в котором от него ничего не требуют. Он закрыл глаза. Сон не пришел, но перестал казаться невозможным.

На стене проступала полоса, где когда-то стояла другая мебель. Павел рассматривал ее и пытался вспомнить, какого цвета обои в собственной спальне. Помнил шкаф, кровать, лампу

на стороне Елены. Цвет стены не вспоминался. Это испугало сильнее, чем было разумно: будто дом уже начал стираться без его участия.

Он представил жену на кухне. Она всегда пила воду перед тем, как лечь, и ставила стакан слишком близко к краю. Павел много раз передвигал его молча, раздражаясь, что простую вещь приходится объяснять. Теперь он хотел оказаться там и оставить стакан на месте.

Утром пришел другой сотрудник. Посмотрел, попросил поднять голову.

— На оформление. Воротник поправь.

Павел не сразу понял, что тот говорит о рубашке.

Сотрудник сам подтянул край ткани у шеи, разгладил плечо. Ненужная, почти заботливая аккуратность вызвала тошноту.

— Вот так. Идем.

Павел пошел за ним, стараясь не держаться за стену.

Глава 5

Чай без сахара

Долин принес два пластиковых стакана. В одном плавал чайный пакетик, другой был пустой.

— Крепкий получился. Разбавить сможешь.

Он поставил стаканы, сел на угол стола и некоторое время молчал. Павел не смотрел на него. После ночи в любой паузе слышалось ожидание.

— Андреем меня зовут, — сказал Долин. — Мы вчера толком не познакомились.

— Мне нужен врач.

Долин перестал двигать ногой.

— Передам.

— И адвокат.

— Тоже передам. Чай пей, остывает.

Павел взял стакан обеими руками. Горячее пластмассовое ребро неприятно врезалось в палец, но он не переставил руку.

Долин заговорил о сыне. Не назвал имени, спросил, сколько лет. Павел ответил не сразу.

— Восемь.

— У меня одиннадцать. Вчера задачу по математике час решали. Я говорю: в магазине так не считают. А он: пап, нам не про магазин.

Долин коротко усмехнулся. Рассказ был слишком обыкновенным, чтобы не подействовать. Павел на секунду представил чужую кухню, тетрадь, раздраженного школьника. Там все продолжалось.

— У твоего как с учебой?

— Нормально.

— Ну и хорошо.

Они помолчали. Павел сделал еще глоток и спросил, когда придет Лукина.

— Скоро. Ты пока подумай. Есть вещи, которые сейчас можно объяснить по-разному. Ты же взрослый человек. Одно дело — пришел специально. Другое — сорвался. Или хотел оттолкнуть. В жизни чего не бывает.

Павел поставил чай.

— Я не буду без нее разговаривать.

— Да я тебя не допрашиваю. Просто говорю. По-человечески тоже уже нельзя?

В голосе Долина появилась настоящая досада. Павел понял, что тот действительно считает этот разговор добрым поступком. От этого сопротивляться было сложнее.

Он уставился на пакетик в воде. На размокшем бумажном ярлыке расплылось название.

Долин стал убирать стаканы, потом заметил, что Павел не допил, и вернул его чай.

— Сахар нужен?

Павел покачал головой.

— Я тоже раньше без сахара пил. Потом стал по ночам работать — привык.

Он говорил непринужденно, рассказывал о чем-то настоящем, и Павлу все труднее было держаться настороже. Грачева можно было ненавидеть целиком. Долин спрашивал о сахаре, помнил о сыне, замечал дрожь в руках. Павел почти захотел объяснить ему все — лишь бы тот перестал смотреть сочувственно.

— Вы вчера были здесь? — спросил он.

Долин поднял глаза.

— Когда?

— Ночью.

Ответ появился не сразу.

— У меня другая работа была.

Он сложил руки на столе. Павел заметил обручальное кольцо; под ним осталась светлая полоса, как будто кольцо недавно снимали.

— Вы видите, что со мной?

— Врач посмотрит.

— Я не спрашиваю про врача.

Долин вздохнул. Вздох был раздраженным, но все еще человеческим, и Павлу стало от этого хуже.

— Я сейчас чем могу, тем помогаю. Ты ведь тоже пойми.

Он сказал «тоже», словно между ними уже существовала договоренность о взаимных уступках. Павел опустил взгляд в чай. В комнате было тепло, свет не бил в лицо. Говорить оказалось опасно именно потому, что здесь можно было почти забыть, откуда он пришел.

Ему дали вымыться в небольшой комнате с облупившейся трубой. Вода была холодная, зеркало отсутствовало. Павел осторожно провел ладонью по лицу и нащупал опухшую губу. Рубашку ему не вернули: она осталась среди изъятых. Выдали вещи, привезенные Еленой. В пакете лежала самая обычная серая футболка, которую он обычно надевал дома после душа.

Он прижал ее к лицу. Запах стирального средства был слабым, почти исчезнувшим, но в нем помещалась вся квартира.

Завтрак принесли в металлической посуде. Каша успела покрыться пленкой. Кусок хлеба пах дрожжами сильнее, чем хотелось. Павел съел несколько ложек, потому что от пустого желудка кружилась голова.

Сосед, которого привели ночью и который все утро спал лицом к стене, приподнялся.

— Хлеб не будешь?

Павел протянул ему кусок.

— Спасибо. Я потом верну.

— Не надо.

— Ну как знаешь.

Сосед лег обратно, зажав хлеб в руке. Павел сел на край спального места и долго смотрел на собственные чистые ногти. Под одним оставалась темная полоска.

Леха сел, прислонившись плечом к стене. Вблизи он оказался моложе, чем Павлу показалось ночью: у глаз еще не было морщин, только кожа на лице выглядела несвежей и грубой.

— У тебя на воле кто? — спросил он.

— Жена. Сын.

— Маленький?

— Восемь.

Леха кивнул, пожевал хлеб. Потом рассказал, что его дочь пошла в первый класс, а сам он видел ее последний раз еще до школьной формы. Рассказал без просьбы посочувствовать; скорее объяснял, почему спросил.

— Бывшая мне фотографию прислала. Банты такие... Я думал, не носят уже.

Он показал руками размер. Павел неожиданно улыбнулся, и губа заболела.

— У моего на линейке галстук был почти до пояса, — сказал он.

— Ты завязывал?

— Нет. Жена.

Леха засмеялся коротко.

— Ну хоть честно.

Потом помолчал и попросил, если Павел будет выходить раньше, сказать сотруднику, что ему надо связаться с родными. Не жаловаться, просто напомнить. Павел пообещал слишком

быстро, привычным голосом человека, который может решить вопрос. Леха посмотрел на него и ничего не сказал.

Когда их действительно стали выводить по одному, Павел услышал собственную фамилию и поднялся раньше, чем успел вспомнить просьбу. На пороге оглянулся. Леха лежал лицом к стене. Павел хотел сказать, что помнит, но сопровождающий уже велел проходить. Он вышел и всю дорогу до кабинета держал в голове одну чужую фразу, чтобы не потерять ее среди своих.

К обеду его снова вывели к Долину. Тот стоял у окна с листом бумаги.

— Сейчас твоя подойдет. Просто проверь, чтобы неточностей не было.

Павел увидел напечатанные фамилии и ниже — несколько строк от первого лица. Прочитал начало, вернулся к середине.

«В ходе внезапно возникшей ссоры...»

— Я этого не говорил.

— Потому и даю проверить. Не устраивает — не подпишешь.

Долин произнес это так, будто предлагал исправить опечатку в счете.

Павел положил лист на стол. Рукава домашней футболки были ему коротковаты. Елена давно собиралась ее выбросить, а он каждый раз не давал.

Теперь ему хотелось только одного: чтобы Лукина пришла прежде, чем в чужом тексте появится еще что-нибудь, чего он не говорил.

Глава 6

Сорок восемь часов

Лукина вошла, когда Павел уже перестал смотреть на дверь.

У нее покраснели щеки от холода. Она сняла перчатки, положила рядом с папкой и, увидев его лицо, не стала здороваться второй раз.

— Когда?

— Ночью.

— Кто?

Он назвал фамилию. Второго описал по пятну на рукаве и коротким светлым волосам. Ирина Николаевна записывала без восклицаний и вопросов о том, почему он не сопротивлялся. Это оказалось важным. Павел боялся, что придется объяснять еще и собственную беспомощность.

— Осмотр был?

— Просил.

— Сейчас будем добиваться.

Она попросила показать запястья. Павел вдруг заметил, что на ее правой руке криво сросся средний палец. Нелепая подробность: вчера у нее были только папка, голос и профессия, а сегодня появилась рука, которую когда-то тоже повредили.

— Я ничего не подписал, — сказал он.

— Правильно.

Ему стало легче, хотя слово не относилось ни к вчерашнему дому, ни к последним часам. Только к одному листу, который он отодвинул.

Осмотр провели после нескольких настойчивых обращений. Медик задавал вопросы, не поднимая глаз. Лукина просила уточнять время и характер повреждений. На третьей поправке он раздраженно вздохнул.

— Вы мне работу дадите сделать?

— Именно об этом прошу.

Павел сидел с поднятой футболкой и чувствовал себя вещью, которую оценивают перед приемкой. Доктор прикасался холодными пальцами. За дверью спорили о том, кто должен сопровождать задержанного в суд. Происходившее с его телом не останавливало ничьего рабочего дня.

Врач вышел за бланком. Павел остался сидеть на застеленной клеенкой кушетке, держа футболку на груди. Опускать ее было больно, но сидеть раздетым при Лукиной — стыдно. Она смотрела в сторону двери и листала свои записи, словно не замечала его неловкости.

— Я не думал, что так бывает, — сказал он.

Ирина Николаевна подняла глаза.

— Что именно?

Он обвел рукой кабинет: облупившийся подоконник, медицинский плакат, на котором улыбалась нарисованная женщина. Но спрашивал не об этом.

— Со мной.

Лукина закрыла блокнот. Несколько секунд она молчала, и Павел испугался, что сейчас услышит что-нибудь про равенство перед законом. Вместо этого она спросила, нужна ли помощь с одеждой.

— Нет. Я сам.

Он опустил футболку, не удержав короткого вдоха.

— Вы можете добиться, чтобы их убрали от меня?

— Я могу требовать проверки и фиксировать все, что происходит. Могу обращаться к тем, кто обязан реагировать. Обещать вам, что после одной бумаги никто больше не подойдет, не буду.

— Тогда зачем бумаги?

Она посмотрела на него устало.

— Чтобы потом не оказалось, что не было и этого.

Он потянул рукав вниз, прикрывая запястье. Лукина заметила, но не остановила.

— У вас палец, — сказал Павел. — Это тоже...

Она проследила за его взглядом.

— На даче упала. Не все на свете относится к этому месту.

Павел неожиданно засмеялся. Смех оборвался от боли, и он отвернулся, досадуя на себя. Лукина достала из сумки воду, спросила врача, можно ли дать. Дождалась ответа и только тогда открыла бутылку.

Когда осмотр закончился, Павел остался у двери на минуту дольше. На стене висели часы с рекламой какого-то давно закрытого медицинского центра. Он успел запомнить время и название. Ему захотелось, чтобы хоть один предмет точно подтвердил, что утро существовало и он в нем был.

В коридоре защитница коротко объяснила предстоящее заседание. Там не будут решать, виноват он или нет. Будут решать, где ему находиться дальше. Павел слушал и все время возвращался к первой части. Если вину еще никто не установил, почему уже нельзя выйти?

Он знал ответ в общих словах. Когда эти слова касались других, они казались разумными. Теперь они проходили через больную губу, через руки, которыми нельзя было свободно двигать, и переставали быть общими.

— Смотрите на судью, когда отвечаете, — сказала Лукина. — Если не расслышали, переспросите. Торопиться за чужим вопросом не надо.

— А если я ничего не хочу говорить?

— Обсудим до начала. Вы имеете право.

Он кивнул. Впервые за эту ночь слово «право» относилось к действию, которое еще можно было выбрать самому.

Потом был автозак, короткая дорога и помещение суда с запахом мокрых курток. Павел пытался угадать по лестничным пролетам, на какой этаж его ведут. В последнем окне висела детская наклейка — улыбающееся солнце, оставшееся, наверное, от какого-то прежнего кабинета.

Елену он увидел сразу.

Она встала раньше всех. На ней был темный свитер, который она надевала дома. Рядом сидела его сестра Ольга. Между женщинами лежал пакет с вещами, будто они приехали в больницу и еще надеялись остаться на ночь.

Павел хотел сказать, чтобы Елена не смотрела на губу. Но в зале уже называли фамилии.

Следователь изложил основания ходатайства. Тяжесть подозрения. Попытка скрыться. Наличие средств и связей. Возможность воздействия на свидетелей.

Павел слушал перечень имущества, которое до этого означало уверенность. Доля в компании, дом, зарубежные поездки. Теперь из всего получалось, что оставлять его на свободе опасно.

Лукина возражала. Говорила о постоянном месте жительства, семье, готовности исполнить ограничения. Отдельно заявила о повреждениях и жалобе. Савельев посмотрел на Павла впервые за все заседание. Взгляд был быстрым и неприятно оценивающим.

— Можете пояснить, — спросила судья, — почему после выезда из дома Ланского вы не вернулись к себе?

Павел поднялся.

— Я испугался.

— Чего именно?

Он посмотрел на Елену. Она сжимала ручки пакета так, что пластик растянулся в белые полосы.

— Что мне не поверят.

Судья сделала запись.

Во время ожидания решения Павел несколько раз переносил вес с ноги на ногу. Хотелось сесть, но он не понимал, можно ли. Сотрудник конвоя кивнул на скамью. Такой маленький жест тоже пришлось принять как разрешение.

В ожидании решения Елена вспомнила, как вчера заехала в офис мужа. Хотела забрать несколько вещей, а оказалась в комнате, где сотрудники умолкли при ее появлении. На столе Павла лежал ежедневник, открытый на текущей неделе. Во вторник — встреча, в четверг — подпись документов, в субботу детский центр. Ни один пункт не был зачеркнут. Она перелистнула вперед и увидела, что жизнь мужа расписана еще на несколько недель.

Финансовый директор вошла с вопросом, который не решилась задать секретарь: кто теперь будет давать согласования. Елена почувствовала возмущение — Павла нет всего сутки, а они уже ищут другого. Потом увидела стоявших в коридоре людей и поняла, что зарплаты, перевозки и чужие счета не умеют ждать из уважения.

Она попросила объяснить. Сначала ничего не понимала, потом стала записывать. Через час сидела за мужниным столом с чужой ручкой и злилась на его уверенность, что ей не нужно знать эти вещи. Когда уходила, секретарь сунула ей пакет: запасная рубашка, зарядка, маленький пластиковый динозавр. Тимофей оставил игрушку в кабинете, чтобы она «работала за папу», когда тот идет на переговоры.

Теперь пакет стоял у ног в зале. Динозавра Елена вынула еще дома и поставила на кухне. Прежде ей бы не пришло в голову, что такой предмет способен мешать готовить ужин: взгляд все время цеплялся за зеленую спину, и приходилось переставлять его дальше.

Рядом Ольга молча протянула воду. Елена не хотела пить, но сделала глоток. Обе старались не смотреть на дверь, за которой находилась судья. С каждой минутой ожидания становилось очевиднее, что решение уже существует где-то отдельно от них, а они пока только не знают, сколько места оно займет в их жизни.

— Мама спрашивает, когда позвонить, — шепнула Ольга.

Елена покачала головой.

— После.

— Она очень переживает.

Елена хотела ответить резко. Удержалась, посмотрев на Ольгины руки: пальцы были прижаты один к другому так плотно, что побелели суставы. У той тоже был брат, которого сейчас могли увезти, и необходимость объяснить все пожилой матери.

— Я сама ей позвоню, — сказала Елена тише.

Дверь открылась. Все начали вставать. Елена подхватила пакет, словно решение могло потребовать от нее немедленно куда-то идти.

Суд постановил заключить его под стражу.

Елена не закричала. Просто разжала пальцы, и пакет соскользнул с колен. Ольга успела подхватить его прежде, чем вещи рассыпались.

Павел начал говорить, когда все уже вставали:

— Лена, с Тимкой...

Конвоир попросил пройти. Не грубо, даже устало. Павел попытался заглянуть ему за плечо.

— С Тимкой что? — успела спросить жена.

Он хотел напомнить про субботу и игровой центр. Про жетон, которого больше не было в кармане. Вместо этого сказал:

— Обними его.

В коридоре створка двери заслонила Елену, и последние ее слова он уже не разобрал.

Глава 7

Камера на восемь человек

В приемном отделении СИЗО его фамилию произнесли несколько раз. Каждый раз он отвечал и каждый раз боялся ответить слишком поздно.

Заполняли документы, сверяли, осматривали, объясняли. Павел запомнил не последовательность, а кафель с трещиной у слива и влажную простыню в выданном комплекте. Ему казалось, что сырость именно в простыне. Потом понял: руки сами оставляли на ней мокрые пятна.

На одном из ожиданий рядом сидел молодой парень с выбритой полосой в волосах. Он то тряс коленом, то зажимал его обеими ладонями.

— Первый раз? — спросил парень.

Павел кивнул.

— У меня тоже.

И сразу отвернулся, будто выдал слишком много.

Павлу выдали матрас, посуду, постельные принадлежности. Сверток постоянно разваливался. Он придерживал его подбородком, и в лицо летела сухая пыль. Раньше в гостиницах ему случалось требовать заменить подушку, если та пахла чужими волосами. Воспоминание возникло настолько отчетливо, что он едва не усмехнулся.

Перед последней дверью сотрудник сказал:

— Вопросы будут — через дежурного. С вещами аккуратнее.

Дверь открылась внутрь.

Камера оказалась длиннее, чем Павел представлял, и ниже. Или потолок казался низким из-за двухъярусных коек. На стенах лежало несколько слоев зеленоватой краски, в углах — более свежие пятна. Металлический стол был закреплен так, что стулья к нему нельзя было поставить удобнее. Под окном сушилась ткань. Вдоль одного прохода стояли пакеты и одинаковые пластиковые емкости с продуктами.

Здесь пахло чаем, чужим телом, влажной одеждой и чем-то хлорным. Каждый запах был терпим отдельно. Вместе они заполняли рот.

В дальнем углу висело полотенце с вышитой синей полосой. На расстоянии оно показалось почти домашним, и Павел ухватился за эту подробность. Потом заметил, что полотенце служит перегородкой возле чьей-то полки. Под окном стояла пластиковая бутылка; в ней кто-то пытался укоренить зеленый отросток. Стебель наклонялся к свету, хотя света было мало. Вода внизу позеленела.

На стене остался светлый прямоугольник от снятой бумаги. Рядом — несколько точек, перечеркнутых тонкими линиями. Павел не понял, считали ли так дни, играли или просто тыкали ручкой, когда разговаривали. Он хотел спросить, но представил, что ему ответят: а какая тебе разница? Поэтому промолчал.

Верхние койки закрывали часть потолка. Из-под матрасов выглядывали сложенные пакеты и плоские свертки. Пространство, которое дома он бы назвал беспорядком, здесь оказалось точно распределенным. Каждая вещь занимала чье-то разрешенное место. Павел еще не видел границ и потому боялся повернуться.

Где-то работал телевизор. Звук был негромким, но слова не разбирались: диктор, смех, затем реклама с чрезмерно веселой музыкой. В комнате никто не смотрел на экран. Телевизор как будто подтверждал, что снаружи продолжают что-то показывать, даже если этого никто здесь не выбирает.

Семеро мужчин посмотрели на него. Двое с верхних мест почти не меняли положения. Третий прикрыл книгу пальцем.

Павел приготовился к вопросу, на который не знал ответа.

— Ел сегодня? — спросил мужчина в очках с толстой дужкой.

— Не помню.

— Значит, не ел. Положи пока.

Тот освободил угол стола. Из-под его локтя выползли аккуратно исписанные листы. На одном в две колонки стояли числа.

— Борис. Носов.

— Павел.

— Мы поняли. Встань чуть левее, дверь не закроется.

За спиной лязгнул замок.

Обычный звук завершившегося движения оказался неожиданно окончательным. Павел посмотрел на дверь, потом на стену рядом. Отсюда не было видно коридора. Он знал это заранее, но все равно почему-то рассчитывал видеть.

— Место сверху свободно, — сказал Носов. — На нижнем Кочетов, его ноги не поднимают. Он вообще многое умеет, а ноги не поднимает.

Снизу отозвались:

— Боря, ты со своей бухгалтерией мозги не поднимаешь.

Кто-то хмыкнул.

Павел забрался наверх, придавив коленом край простыни. Матрас съехал. Он попытался расправить все одновременно и задел человека на соседней койке.

— погоди, — сказал тот. — Сам сначала сойди. Потом стели.

Он помог небрежно, почти сердито. Павел благодарил, а тот повторял, что проход узкий и нечего толкаться. Эта раздраженная помощь успокаивала больше, чем особенная доброта: здесь хотя бы можно было сделать понятную ошибку.

За санитарной перегородкой текла вода. Павел отвел взгляд. Приватности там было меньше, чем нужно любому человеку, и больше, чем он боялся увидеть.

Пока расправляли вещи, Павел по привычке спросил, сколько нужно денег. Вопрос повис странно. Носов посмотрел на него поверх очков, Мусаев перестал двигать матрас.

— За что? — уточнил Носов.

— Ну... на общее. Я не знаю пока.

— Пока и не суетись. Разберешься, что разрешено и как. Передачи будут — свои вещи найдешь. Сейчас тебя никто не нанимал ничего спасать.

Павел почувствовал, что покраснел. Вопрос казался ему разумным способом не оказаться обязанным. Здесь его слышали как попытку немедленно установить понятную для себя цену.

Снизу Кочетов спросил, есть ли у новенького жена. Павел кивнул.

— Тогда тапочки нормальные попроси. И терпение. Второе не передадут, но попросить можно.

Молодой сосед на верхнем месте засмеялся. Павел вдруг разозлился: они обсуждали его так легко, будто ночь, боль, суд и закрывшаяся дверь уже превратились в разновидность общей шутки. Он прижал простыню к матрасу резким движением.

— Не с той стороны начинаешь, — негромко сказал Мусаев.

— Я ничего не сказал.

— Сказал. Лицом.

Павел посмотрел на него. У Мусаева не было желания подавить или развеселить его. Тот просто берег общий воздух от еще одного приступа чужой злости.

— Я не умею здесь, — признался Павел.

— Так никто с дипломом не поступает.

На этот раз засмеялся и Павел. Коротко, скорее от облегчения. Мусаев отошел, а Громов остался сидеть на краю с незаконченной постелью.

Он заметил, что Носов не задал ни одного вопроса о деньгах после первого неудачного. Кочетов вернулся к своим вещам. Молодой сосед снова открыл книгу. Ничего страшного не произошло из-за того, что Павел не знал ответа и произнес это вслух.

В следующие месяцы он будет вспоминать именно эту минуту чаще, чем первые наставления: можно оказаться неловким, некомпетентным, раздражительным, и мир не обязательно ответит немедленным наказанием. Пока он только осторожно расправил простыню и спросил, куда убрать пакет.

Мужчина с книгой показал, куда можно убрать чистую одежду. Звали его Егор. Он говорил тихо, потому что охрип; Павел сначала принял эту сдержанность за недоброжелательность.

— Вон там край свободный. Только мокрое отдельно. Иначе все потом пахнет.

— Спасибо.

— Пакет есть?

Павел показал тот, в котором ему выдали вещи.

Егор покачал головой, достал другой. Прозрачный, толстый, со стертым названием магазина. Павел хотел отказаться — своего хватало, — но понял, что уже не знает, почему его не хватает. Взял.

— Верну.

— Если будет куда возвращать.

Он сказал это без усмешки. Павел не понял, означает ли фраза скорый уход Егора, перевод, срок или просто отсутствие интереса к пакету. Уточнять не решился.

Носов, не поднимая головы, попросил не ставить обувь поперек прохода. Павел немедленно передвинул ботинки и задел коленом кружку. Мусаев поймал ее, не отрываясь от разговора с нижней койкой.

Павел вдруг почувствовал, насколько все здесь умеют жить без него. Его должность, деньги, привычка организовывать людей не занимали в этом умении никакого места. Нужно было научиться проходить между двумя кроватями, не наступая на чужую пятку. Он никогда не думал, что такая задача может потребовать всей собранности.

Носов поставил перед ним чашку.

— Горячее. Не хватай сразу.

Павел послушался и сел. Чай был сладкий. Слишком сладкий. Он выпил половину, не заметив.

Мужчина, закрывший книгу, прищурился.

— А я тебя видел.

Павел поднял глаза.

— В новостях, — уточнил мужчина. — Дом большой показывали.

За столом стало тихо. Даже Кочетов перестал возиться с пакетом.

— Угу, — сказал Носов. — А сейчас у нас чай. Телевизор после чая.

Глава 8

Лишняя чашка

В первую ночь он почти не спал. Наверху было теплее, чем внизу, и горячий воздух стоял возле лица. Матрас продавился под бедром. Павел пытался найти положение, в котором не болело, и каждый раз койка отвечала длинным металлическим скрипом.

— Не мебель проверяй, а ложись уже, — сказал снизу Кочетов.

Павел замер. Из темноты отозвался Мусаев:

— Не слушай. Ему все мешает, кроме собственного храпа.

— Я не храплю.

— Тогда у нас кто-то за тебя старается.

Послышался короткий смешок. Павел повернулся еще раз, теперь медленнее. За перегородкой текла вода. По коридору прошли, и шаги затихли так резко, будто человек перестал существовать за определенной дверью.

Павел думал о том, как выключается свет дома. Елена не сразу убирала телефон. Лежала на боку, читала, и экран освещал кончик носа. Он часто ворчал: ложись уже. Сейчас ему хотелось видеть этот маленький свет столько, сколько она захочет.

Посреди ночи ему понадобилось встать. Он долго сидел на краю, не понимая, куда поставить ногу. Снизу появилась рука Мусаева.

— Держись. Только на меня не садись.

Павел спустился. В темноте чужие тела ощущались ближе, чем днем. Он слышал дыхание каждого и собственный неловкий шаг. За санитарной перегородкой долго не мог заставить себя расстегнуть брюки. Потом понял, что никто не ждет от него ничего особенного. Люди спали или делали вид, что спят. Эта маленькая уступка оставляла ему то, чего нельзя было вернуть перегородкой повыше.

Утром он спросил у Мусаева, спал ли тот вообще.

— Кусками. Ты тоже научись.

Павел хотел сказать, что не собирается здесь учиться, но увидел, как Артур растирает шею, и промолчал. Слова прозвучали бы так, будто остальные собирались.

На третий день Павел начал различать звуки камеры.

Если скрипела дальняя койка, Кочетов собирался вставать и через минуту требовал пропустить его к воде. Если коротко стучала ложка, Носов перемешивал растворимый напиток, который называл кофе только в хорошем настроении. Мусаев перед едой негромко прочищал горло и всегда отодвигал чужие вещи от края стола.

Вместо непрерывной угрозы, которую Павел привез сюда в голове, возникли отдельные раздражающие люди. Один оставлял мокрый след возле раковины. Другой слишком долго рассказывал новости. Третий читал вслух, не спрашивая, хочет ли кто-нибудь слушать.

Было тесно. Это оставалось главным даже в хорошие минуты.

Павел привык сам просыпаться, если кто-нибудь подходил близко. Теперь люди проходили рядом постоянно. Над головой скрипели пружины. За перегородкой кашляли. Посреди разговора приходилось подбирать ноги, чтобы пропустить человека. Собственная злость казалась опасной: он боялся, что однажды ответит слишком резко и запустит что-нибудь непоправимое.

Мусаев заметил это раньше других.

— Скажи просто: дай минуту. Не надо лицо такое делать.

— Какое?

— Как будто ты сейчас всех купишь и закроешь.

Павел хотел возразить, но увидел, что Носов улыбается в чашку.

— Ладно, — сказал он.

Это короткое «ладно» далось труднее, чем хотелось.

Письмо от Елены пришло к концу недели. В нем были сведения о сыне, о школьном спектакле, о том, что в квартире потек смеситель. Павел читал страницу несколько раз и всякий раз сердился на смеситель. Три недели назад он обещал вызвать мастера. Все оставалось недоделанным, даже такая мелочь.

Ему хотелось немедленно распределить обязанности. Позвонить Сергею, написать управляющему, дать распоряжение. Он поймал себя на том, что ищет телефон на матрасе, и отдернул руку.

— Привыкаешь? — спросил Носов.

— Не знаю.

— Тогда не торопись знать.

На допросе Савельев предъявил результаты исследования крови. Объяснял спокойно, указывая ручкой на конкретные строки. Павел слушал, как его рукав превращается в набор обозначений.

Лукина задала вопросы о сравнительных образцах. О времени изъятия, упаковке, присутствовавших. Следователь отвечал. С некоторыми выводами она спорила, другие записала без возражений.

— Принадлежность следа и обстоятельства его появления — разные вопросы, — сказала она.

— В совокупности все рассматриваем, — ответил Савельев.

— Именно.

После допроса она задержала взгляд на одном из протоколов.

— Здесь понятия уже были или еще нет?

— Что вы имеете в виду?

Она показала две строки. В первой обнаружение предмета относилось к одному моменту, в следующей присутствие людей описывалось иначе. Савельев нахмурился.

— Техническая неточность.

— Ее надо будет объяснить.

Павел впервые за несколько дней почувствовал подъем. Маленькая разница в бумаге означала, что чужая уверенность не закрывает все намертво.

На обратной дороге он старался сохранить это чувство. Оно уменьшалось от каждой двери, но не исчезало.

В тот день передачу разбирали дольше обычного. Павел получил простую бумагу, печенье и белье, которого сам бы никогда не выбрал. На упаковке Елена аккуратно приклеила список. Внизу после перечисления вещей было написано: «Серое — новое, постирала». Он провел пальцем по строке. Жена думала о том, что новая ткань будет жесткой. Среди всех нерешенных вопросов она нашла такой, который еще могла решить.

Кочетов заглянул через плечо.

— Хорошая. Моя бы написала: не потеряй, дорогое.

— И правильно, — заметил Носов. — Ты в прошлый раз носок неделю искал.

— Потому что его переложили.

— Носок сам от нас устал и ушел.

Павел улыбнулся. Потом ему стало стыдно за то, что он способен улыбаться именно сейчас. Носов заметил перемену.

— Не надо себе за каждую минуту счет выставлять, — сказал он негромко.

— Какой счет?

— Я же вижу.

Он не стал объяснять. Взял со стола пустую упаковку, сложил ее и убрал. Павел долго помнил эту короткую фразу. Дома он считал умение Носова замечать мелочи свойством хорошего бухгалтера. Здесь не было отчетов, но привычка осталась: Борис видел, когда человек начинает наказывать себя за то, что еще может жить.

В камере Кочетов спорил о передаче. Кто-то по ошибке убрал его печенье к общим продуктам. Павел сел за стол и вдруг предложил сделать чай.

— Всем? — уточнил Носов.

— Кто будет.

Он считал чашки и ошибся: поставил одну лишнюю. Потом понял, что привычно добавил для Елены. Дома они часто пили вдвоем, и руки помнили количество лучше головы.

Кочетов уже собирался пошутить. Мусаев коротко посмотрел на него, и тот занял рот печеньем.

Лишнюю чашку Павел убрал сам.

Глава 9

Лицо на фотографии

Савельев не любил снимки вскрытия, хотя считал нелюбовь профессионально бесполезной. Смотреть все равно приходилось внимательно.

В кабинете было душно. Он открыл форточку, и бумажный угол на столе зашевелился. Вадим Ланской на фотографиях перестал быть тем человеком, которого следователь видел в деловых новостях. Исчезли выражение лица и дорогая посадка одежды. Остались повреждение, измерения и необходимость точно установить последовательность событий.

Судебный медик Сергеев ответил на звонок не сразу.

— Образцы сохранены, — сказал он после вопроса. — В заключении все перечислено. Что именно уточнить?

— Возможность оказания помощи. По следам, по положению.

— Помощь и причинение повреждения не взаимоисключающие вещи.

— Я понимаю.

— Тогда задавайте вопрос без ответа внутри.

Савельев помолчал и задал вопрос иначе. На этот раз Сергеев ответил подробнее. Следователь записал: не привязывать все пятна к одному движению. Других улик хватало.

Было сообщение с угрозой. Был длительный конфликт партнеров. Имелись записи приезда Громова и его отъезда. Николай, обнаруживший тело, видел машину. Других посетителей в нужном промежутке на основном въезде не было. Одежда, нож, попытка уехать, выключенный телефон — все сходилось на одном человеке.

Удобство этой сходимости успокаивало.

Накануне Савельев еще раз ездил в дом. Не ради нового большого действия — уточняли отдельные обстоятельства, сопоставляли расположение предметов. Дневной свет делал кухню обыкновенной. Ковер убрали с места, часть вещей изъяли, и пустые участки выглядели нелепее следов: здесь когда-то стояло то, чему теперь присвоили номер.

Следователь попросил Николая показать, где именно тот находился, когда слышал голоса. Работник долго выбирал точку, затем отошел на два шага и признался, что тогда двигался. Савельев заставил себя не раздражаться. Устойчивое положение человека на схеме удобно только до тех пор, пока не спросишь его о жизни.

— Вы узнавали голоса?

— Ланского — да. Павел Андреевич тоже знакомый.

— Уверены в словах или в том, кому они принадлежат?

Николай подумал.

— В голосах. Слов не всех слышал. Я же не слушал специально.

Савельев записал уточнение. Сильнее всего ему хотелось сохранить реальную ссору и убрать из нее то, что позднее доросло в пересказах. В этом он пока видел обычную работу над надежностью дела, не спор с первоначальной версией.

У стола Таран пытался объяснить, какая посуда обычно стояла здесь и почему нож мог находиться под рукой. Он знал Ланского давно и говорил о нем с раздраженной нежностью служащего, пережившего сотни хозяйских привычек.

— Он сам резал все. Потому что другим, видите ли, нельзя доверить даже хлеб.

Таран осекся, посмотрел на пустое место возле стола.

— Извините. Я не в том смысле.

— Говорите, как помните.

Савельев вышел на крыльцо последним. Машина Громова на записи проходила там, где сейчас лежала вода от талого снега. Николай показывал, как остановился у двери. Ничего торжественного в точке обнаружения не было. Человек приехал чинить, увидел не то, позвонил. Чужая смерть вошла в его рабочую ночь без предварительного предупреждения.

На обратном пути Савельев на минуту подумал о самом Николае: придется давать показания, вспоминать, отвечать защите, терпеть подозрения людей, которым удобно считать любого свидетеля частью устройства. Затем позвонил коллега, и мысль отступила под очередными вопросами о документах.

Позвонила дочь Ланского.

Голос был неожиданно молодой. По документам Савельев знал возраст, но представлял женщину старше. Она говорила короткими фразами и иногда прерывалась, словно кто-то находился рядом.

— Я пока не могу прилететь. После операции врач не разрешает. Мне сказали, вы отдаете вещи.

— Вопрос решается по мере необходимости исследования. Часть останется при деле.

— Часы можно не отдавать другим?

— Кто-то обращался?

— Не знаю. У него много людей. Они все говорят, что ему были близки.

Савельев перевернул страницу.

— Ваше обращение учтем.

— Они с Павлом давно ссорились?

Следователь не ответил сразу.

— Я буду задавать вам вопросы отдельно, когда это станет возможно. Сейчас не хочу влиять на ваши воспоминания.

Вера несколько секунд молчала.

— Спасибо, что не сказали: держитесь.

Разговор закончился, а Савельев продолжал смотреть на телефон. Потом убрал его и вернулся к записи камеры.

На экране машина Громова замедлялась возле ворот. Ничего особенного: обычный приезд хорошо знакомого человека. Через некоторое время — отъезд. Промежуток между двумя событиями помещал в себя все, что теперь заполняло несколько папок.

Вечером Савельев вернулся домой позже обещанного. Жена оставила еду в кастрюле и записку на кухонном столе: «Разогрей сам». Последние два слова были подчеркнуты. Он остановился возле плиты, не снимая куртки, и почувствовал раздражение, несоразмерное этой записке.

Марина вышла из комнаты с бельем в руках.

— Ты пришел?

Вопрос был нелепым, но он кивнул так, будто именно этого от него и ждали.

— Есть будешь?

— Ты же написала.

Она посмотрела на стол, затем на мужа.

— Я написала, потому что ты вчера ел холодное и потом говорил, что желудок болит.

Савельеву стало неловко. Он положил ключи рядом с запиской, убрал их, чтобы не пачкать бумагу.

— Устал, — сказал он.

— Я вижу. Только это не ответ на все.

Они сидели на кухне без телевизора. Марина рассказывала о протекавшей трубе у соседей, о том, что придется впустить мастера. Савельев слушал вполуха и понял это по выражению

ее лица. У него не было детей; к этой тишине в квартире они оба давно привыкли, но иногда Марина говорила громче необходимого, как будто пыталась заполнить пространство за двоих.

— Ты опять на работе? — спросила она.

— Здесь же сижу.

— Вот именно.

Он отложил ложку.

— У человека убили отца. Дочь за границей, после операции. Она спрашивает меня про часы. Представляешь? Не про убийцу, не про сроки. Чтобы часы другим не отдали.

Марина помолчала.

— Потому что с часами ты можешь ей ответить. А с остальным — нет.

Савельев хотел возразить. Он мог ответить и с остальным: подозреваемый установлен, доказательства собраны. Но понял, что жена говорит о другом.

После ужина он сам вымыл тарелку. Марина не поблагодарила и не стала объяснять, что это его тарелка. Просто передвинула сушилку, чтобы ему было удобнее. Савельев заметил, как устало у нее опустились плечи, и впервые за вечер спросил, болит ли спина.

На следующий день он вспомнил этот разговор в машине. Ему показалось важным еще раз связаться с дочерью Ланского, уточнить про вещи. Потом пришел новый документ, позволил начальник, пришлось переделывать запрос. К обеду возможность позвонить уже ощущалась как еще один незакрытый пункт. Он поставил рядом с фамилией Веры маленькую галочку — напоминание себе — и ушел на встречу.

В дверь заглянул Грачев.

— Лукина жалобу раскручивает.

— Повреждения откуда?

— При задержании мог. Он там дергался.

— В протоколе другое.

— Значит, раньше. У него дом-то какой был. Может, с Ланским они...

Савельев поднял глаза. Грачев пожал плечами.

— Я ж не доктор.

Жалоба лежала в отдельной папке. К ней прикрепили медицинскую запись, объяснения, отметки о времени вывода. Савельев просмотрел первый лист и почувствовал раздражение. Он собирал убийство, а теперь должен был выяснять, что именно коллеги делали несколько часов ночью.

— Дайте свои объяснения подробно, — сказал он. — Без «мог».

— Сделаем.

Когда дверь закрылась, Савельев вернулся к фотографиям ножа. Папку с жалобой передвинул на край стола, чтобы потом не забыть.

За окном начался мелкий снег. Форточку пришлось закрыть.

Папка осталась на краю. На втором листе было время, которое не совпадало ни с одним из удобных объяснений Грачева.

Глава 10

За стеклом

Елена узнала, что на свидание нельзя просто приехать.

Сначала были обращения, разрешение, уточнение порядка, ожидание. Она ошиблась в одном документе, исправила, снова ждала. Все это делалось без особенной грубости. Отсутствие грубости почему-то делало происходящее еще тяжелее: нельзя было указать на одного человека, который мешает ей увидеть мужа, и потребовать прекратить.

Дома Тимофей первое время просыпался раньше будильника. Выходил в коридор и заглядывал в родительскую комнату, будто проверял, не вернулся ли отец ночью. Елена притворялась спящей, когда он стоял в дверях, потому что не могла каждый день снова отвечать на один и тот же вопрос без слов.

Однажды мальчик принес ей телефон.

— Папе можно написать?

— Я передам письмом.

— Почему не здесь?

Она попыталась объяснить порядок. Тимофей слушал, нахмурившись, затем сказал:

— Но телефон же умеет.

Елена почувствовала бессильную злость на то, что технически ребенок прав. Написать, отправить, получить ответ можно за секунду. Между этими действиями стояли теперь люди, решения и правила, которые девятую страницу взрослого документа объясняли лучше, чем детское чувство потери.

Они написали на бумаге. Тимофей попросил не исправлять ошибки, потому что отец узнает, если мама напишет за него. Елена согласилась. В конце мальчик нарисовал их троих и долго выбирал, как расположить фигуры: если нарисовать папу отдельно, выйдет грустно, если рядом — неправда. В итоге оставил рядом и сильно обвел руки.

Мать Павла приехала вечером. Сидела за столом в пальто, пока Елена не напомнила снять. Спросила о еде, о здоровье сына, о том, как разговаривали сотрудники. Потом сказала, что не может представить Павла «таким».

Елена вдруг поняла, что сама тоже не знает, какое именно изображение отвергает. Человек из новостей был ей чужим. Муж, снимавший обувь у двери и спрашивавший, почему опять горит свет на кухне, был знаком до усталости. Соединить их внутри одной головы не получалось.

Свекровь заметила ее молчание и заплакала. Елена обняла женщину, хотя сама хотела, чтобы ее кто-нибудь обнял и разрешил несколько минут ничего не объяснять.

После ухода гостей она убирала чашки. На столе лежало детское письмо. Елена поправила карандашную линию, почти начав обводить ее ручкой, затем остановилась. Ребенок просил не исправлять. По крайней мере это желание она пока могла исполнить.

Когда свекровь собиралась домой, Елена помогла ей застегнуть пальто. Пуговица не попадала в петлю. Обе смотрели на руки, чтобы не смотреть в лицо.

— Ты думаешь о плохом? — спросила мать Павла.

— Я все время думаю о плохом.

— Я не о том. Ты сама-то... веришь ему?

Елена отпустила край пальто. Вопрос возникал и раньше, но до этого жил внутри ее головы и потому мог оставаться незаконченным.

— Я с ним почти пятнадцать лет, — сказала она.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Свекровь посмотрела на нее испуганно. Елена почувствовала жестокое желание сказать все сразу: что муж тоже не объяснял ей многого, что она знала его раздражение, его умение закрывать разговор, его привычку приходить домой с уже принятым решением. Но перед ней стояла женщина, которая когда-то гладила этому человеку школьную рубашку. Елена не стала продолжать.

— Я хочу, чтобы он вернулся, — сказала она наконец.

Мать Павла взяла ее за запястье. Рука была холодная и легкая.

— Я тоже.

Им обоим стало легче от этой фразы. Она ничего не устанавливала и потому не требовала немедленно лгать.

В день свидания она выехала слишком рано. Остановилась у закрытой булочной и простояла перед дверью, пока продавщица внутри не показала на часы.

В сумке лежала фотография Тимофея. Мальчик сделал ее сам: вытянул руку, ухмыльнулся, и лицо получилось немного перекошенным. Елена сперва хотела выбрать другую, красивую. Потом решила, что Павлу нужна именно эта.

В комнате ожидания женщины разговаривали вполголоса. Одна держала папку с завязками, другая — маленький пакет с салфетками. Никто не спрашивал у Елены, к кому она пришла. Это молчаливое уважение к чужой беде успокаивало и одновременно стирало последнюю надежду, что ее случай какой-то особенный.

Рядом с Еленой ждала женщина с короткой стрижкой и пакетом, перевязанным белым шнуром. Она несколько раз проверила, на месте ли документы, потом посмотрела на Еленину фотографию, торчавшую из папки.

— Сын?

Елена кивнула.

— Покажите сразу. А то начнете про одно, про другое, потом времени не останется.

— Я не знаю, о чем говорить.

Женщина усмехнулась, но без веселья.

— Я каждый раз в дороге весь разговор готовлю. А сяду — спрашиваю, поел ли.

Она рассказывала о муже, которому передавала слишком большие тапки: по старой памяти покупала размер сына. Потом вдруг замолчала, словно поняла, что говорит больше необходимого.

Елена спросила, давно ли она ездит.

— С осени.

Слово прозвучало как название далекой страны. Елена еще считала дни и не могла представить, что однажды начнет говорить временем года.

— А вы?

— Недавно.

— Ну...

Женщина не договорила привычного пожелания. Вместо этого развязала пакет, достала салфетки и предложила одну. Елена взяла, хотя слез пока не было.

Когда назвали фамилию, она встала слишком быстро и уронила папку. Документы разлетелись по полу. Женщина помогла собрать. Подала фотографию последней, держась за края.

— Лицом к себе не прижимайте. Так ему не видно будет.

Елена хотела улыбнуться. Не получилось, но женщина поняла.

Павел появился за стеклом похудевшим, хотя прошло мало времени. Или похудело не лицо, а выражение: исчезла привычная готовность перебить, уточнить, решить.

Елена подняла трубку.

— Ты как?

Он тоже спросил, как она. Оба ответили «нормально» и посмотрели друг на друга с растерянностью: дальше было непонятно, как разговаривать.

— Я вещи передала.

— Да. Спасибо.

Слово «спасибо» прозвучало так официально, что она едва не заплакала сразу.

Она рассказала о сыне. В школе готовили небольшой спектакль, Тимофей хотел отказаться, потому что отец обещал прийти. Елена уговорила. У учительницы вопросов не было, но другие родители, вероятно, уже все прочитали.

— Ему что сказали?

— Что выясняют. Что ты пока не можешь домой.

Павел потерял переносицу. Елена всмотрелась в движение: такое знакомое, домашнее. Он делал так, если долго работал за компьютером.

— Врать ему не надо, — сказал он.

Она почувствовала, что сейчас засмеется, и испугалась этого.

— А что сказать?

Павел посмотрел на трубку.

— Не знаю.

Она показала фотографию. Приложила к стеклу слишком близко, затем отодвинула. Муж наклонился вперед. Несколько секунд они смотрели на маленькое улыбающееся лицо, находясь по разные стороны от его изображения.

— Зуб выпал? — спросил Павел.

— Позавчера. Он сам дернул.

— Нижний?

Елена кивнула и вдруг расплакалась.

Она пыталась продолжать: о том, что приезжала Ольга, что финансовый директор помогает с платежами, что Михаил обещал разобраться с текущими делами. Но слова распапались. Павел несколько раз назвал ее по имени.

— Лена, посмотри на меня.

Она вытерла лицо бумажной салфеткой. От салфетки на щеке осталась белая крошка.

— Я тебя вытащу, — сказала она.

— Не обещай сейчас.

— А что мне делать?

Он хотел прикоснуться к ее лицу и поднял руку. Остановил перед стеклом, будто его раньше здесь не было.

— Ты живи. С Тимкой занимайся. Не сиди у телефона все время.

— Ты думаешь, я могу просто заниматься?

Павел не стал отвечать. Елена сняла очки, хотя они ей почти не мешали, начала протирать. Пальцы не попадали в край салфетки.

Она спрашивала о еде, о сне, о том, нужны ли лекарства. Муж говорил коротко. Ни один не решался снова назвать происходящее целиком.

— Дома тихо? — спросил Павел.

— Нет. Тимка включает телевизор, когда делает уроки. Я ругаюсь.

Он кивнул.

— Я раньше тоже так делал. Чтобы кто-то говорил.

Елена всмотрелась в него. За пятнадцать лет она не знала этой детской подробности. Ей захотелось спросить о ней еще, но рядом с ней уже лежало столько вопросов, что простой не помещался.

— Я вчера твои рубашки убрала, — сказала она зачем-то.

Павел опустил глаза.

— Совсем?

— Нет. В другой шкаф. Чтобы не пылились.

Она увидела, что он испугался, и едва не стала объяснять, что ничего не выбрасывает, не переделывает, не собирается жить без него. Но каждое такое объяснение делало возможность настоящей. Поэтому Елена заговорила о пуговице, которую давно обещала пришить, о чистой ткани, о плечиках. Павел слушал внимательно. Несколько минут они говорили о рубашках, и только потом она поняла, что это был разговор о том, есть ли ему еще место дома.

Сотрудник предупредил об окончании времени.

— Я еще приду, — сказала Елена.

— Знаю.

— Ты только...

Она замолчала, не найдя просьбы, которая была бы выполнима.

Павел опустил трубку. Елена все еще держала свою у лица. Смотрела на него и что-то говорила, но он уже не слышал.

Он поднял трубку снова. В ней было пусто.

Часть вторая

Срок

Глава 11

Год за полтора

Кочетов считал, что главная ошибка людей состояла в нежелании слушать тех, кто уже понял жизнь. Под такими людьми он обычно подразумевал остальных обитателей камеры.

В то утро он сидел на нижнем месте и сушил носки, повесив их туда, где Носов привык держать полотенце. Носов несколько раз посмотрел на носки, затем демонстративно отодвинул чашку.

— Тебе самое умное — здесь держаться, — сказал Кочетов Павлу. — На зону успеешь. Здесь год за полтора. Там за год и будет год. Арифметика.

— Какая арифметика? — спросил Носов.

— Простая, Боря. Не бухгалтерская твоя, чтобы никто не понял.

Павел поднял голову от письма. Он уже слышал эту фразу, но до сих пор воспринимал ее как особенную тюремную хитрость, которую еще не пришло время узнавать.

— То есть надо остаться?

— Вот. Человек соображает. Сиди, жалуйся, не торопись. Вон хозобслуга бывает, люди остаются.

Носов снял очки.

— Витя, ты сейчас целую кашу сварил. Во-первых, зависит от режима, который назначат. Во-вторых, до вступления приговора в силу. Просто жить дальше в здании изолятора — не значит получать полтора дня за каждый. И остаться по своему желанию, как в пансионате, тоже нельзя.

— Так я про что?

— Ты про носки на моем полотенце пока.

Мусаев усмехнулся. Кочетов заявил, что формалисты всегда мешают полезному разговору, но носки перевесил.

Павел спросил, может ли общий режим быть при его обвинении. Носов не ответил с ходу.

— С Лукиной разговаривай. Я тебе вчера расход сахара неправильно посчитал. Не хватало еще человека на такой же расчет посадить.

— Сахара действительно не хватило, — подтвердил Мусаев.

— Вот видишь. Уже последствия.

Они смеялись, и Павел тоже улыбнулся. Затем снова посмотрел на письмо. Елена писала, что Тимофею надо покупать новую куртку: рукава старой стали коротки. Зимой он вырос, а отец заметил только теперь, когда рост превратился в отдельную новость.

Павел взял листок, начал считать. Не официально, не по правилам зачета. Просто прибавлять годы.

Восемь и шесть — четырнадцать. Восемь и десять — восемнадцать. Восемь и пятнадцать — двадцать три.

Последний результат получился похожим на ошибку. Тимофей не мог стать двадцатитрехлетним, пока отец находился здесь. В двадцать три Павел уже работал без выходных, снимал комнату у железнодорожника и уверял мать, что все у него отлично. Самостоятельность сына он представлял постепенно, небольшими шагами. Теперь числа одним движением уводили мальчика так далеко, что там не оставалось места ни совместной субботе, ни обещанному летнему лагерю, ни разговорам о том, почему нельзя драться в школе.

— Что? — спросил Мусаев.

Павел скомкал листок.

— Ничего.

— Тогда чего мне? Бумага еще нужна будет.

Он протянул руку, расправил лист и положил обратно. У Мусаева были широкие пальцы с неровными ногтями. На одном суставе белел след старого пореза.

— Ты сейчас вперед не живи, — сказал он. — На сегодня занятие найди.

— Какое?

Мусаев кивнул на письмо.

— Ответь ей про куртку. Она не просто так написала. Ей выбирать одной, вот и написала.

Павел перечитал нужную строку. Представил Елену в магазине между одинаковыми детскими вещами. Обычно она присылала фотографию, он выбирал темную, она покупала светлую, и оба оставались довольны этим незначительным разногласием.

Он написал, что лучше взять синюю. Потом добавил: «Но ты реши сама».

Слова выглядели пустыми, однако от них Елене, возможно, стало бы немного проще. Павел оставил их.

Кочетов подвинулся на своей койке, освобождая место. Павел сел рядом, хотя обычно предпочитал стоять: снизу почему-то сильнее чувствовался вес чужого спального места над головой.

— Ты думаешь, я тебе врать буду? — спросил Виктор.

— Я не говорил, что ты врешь.

— Боря сказал. По-своему. У него все, что не через запятую, — неправда.

Носов не откликнулся. Он как раз развешивал выстиранное полотенце и был целиком занят тем, чтобы оно не касалось стены.

Кочетов рассказал, как когда-то ехал на освобождение и всю дорогу повторял адрес матери. Не потому, что забыл. Боялся, что выйдет, остановится перед вокзалом и в голову ничего не придет. На свободе оказалось гораздо больше направлений, чем он помнил.

— Тут тебе скажут: вставай. Там сам должен. Вроде хорошо, а с утра сразу думать надо.

— Ты к матери поехал?

— Поехал. Она стол накрыла, будто я с работы. Суп, картошка. И села смотреть. Я ложку поднять не могу. Говорю: ты тоже ешь. А она: я не хочу. Ну как не хочешь? Час стояла у плиты.

Он потер ладонью колено. На штанине был зашит неровный надрыв.

— Потом я на кухню ушел. Сказал, покурю. Она в коридоре стояла. Думала, я опять уйду.

Павел спросил, сколько ей было лет.

Кочетов назвал возраст. Помолчал и добавил, что в прошлом году она перестала сама ходить в магазин. Теперь заказывала продукты через соседку. Он говорил об этом с досадой, как будто мать нарушила что-то, что обязана была сохранить до его возвращения.

— Я ей деньги передавал, — сказал он. — Сын мой помогает. Все нормально у нее.

Носов наконец повернулся.

— Витя, ты ей напиши.

— Писал.

— Не про деньги.

Кочетов резко поднял глаза, но Носов уже занялся полотенцем. Спорить оказалось не с кем. Виктор взял газету и некоторое время держал ее вверх ногами. Павел заметил это и промолчал.

Позже, когда Кочетов все-таки попросил лист, Павел подвинул ему два. Тот посмотрел с подозрением.

— На два не наболтаю.

— Если испортишь первый.

— А. Это да.

Кочетов долго выводил обращение. Ручку держал неудобно, слишком близко к стержню. Павел отвернулся: чужая старательность оказалась настолько незащищенной, что смотреть было почти невежливо.

Он понял, почему Кочетов так любит давать советы. Пока объясняешь другому, как правильнее жить, собственная растерянность не видна. Павел узнал это чувство слишком хорошо и потому не стал возвращаться к разговору о зачете срока.

На школьный спектакль Елена пришла без цветов. Вспомнила о них уже в гардеробе, когда увидела у других родителей букеты в прозрачной пленке. Ей захотелось выйти и купить хотя бы одну ветку, но до начала оставалось несколько минут. Она сняла пальто, взяла номерок и поднялась в зал.

Возле сцены пахло нагретой пылью и краской. Родители занимали места, кому-то оставляли соседний стул, махали рукой через проход. Елена села с краю. Положила сумку рядом и через секунду убрала на колени: пустой стул слишком напоминал о человеке, для которого она уже несколько месяцев продолжала оставлять место.

Тимофей вышел в костюме, который они собирали весь вечер. Один рукав оказался короче другого. Елена увидела это сразу и почувствовала досаду на себя: не проверила перед выходом. Потом сын повернулся, нашел ее взглядом и чуть поднял подбородок. Так делал Павел, когда хотел сказать издалека: я тебя вижу.

Елена включила запись. На сцене говорили слишком тихо, кто-то забыл слова, учительница подсказала из-за кулисы. Дети засмеялись, родители тоже. Елена держала телефон и вдруг поняла, что смотрит на сына через экран, хотя он находится в нескольких метрах. Опустила руку. Впервые за долгое время позволила событию произойти не для передачи отсутствующему человеку.

У Тимофея была короткая роль, всего несколько реплик. Одну он произнес раньше времени, остановился, дождался другого мальчика и начал заново. Зрители этого почти не заметили. Елена заметила все: как дернулась его щека, как он не посмотрел в зал после ошибки, как справился без ее помощи. Ей захотелось немедленно рассказать Павлу именно об этом. Не о костюме, не о том, что сын хорошо выступил. О маленьком движении, в котором ребенок на секунду стал старше.

После поклона Тимофей подошел к ней, вспотевший и сердитый от избытка впечатлений.

— Ты сняла?

— Не все.

Он посмотрел с обидой.

— Почему?

— Смотрела.

Ответ его не устроил сразу. Потом он спросил, видно ли на записи, где перепутал. Елена честно сказала, что не знает. Они нашли место, просмотрели. Ошибка оказалась смешной, и Тимофей засмеялся первым.

На улице он предложил купить мороженое. Елена уже собиралась ответить, что холодно, когда вспомнила: сейчас это предлагают ей, а не Павлу через нее. Согласилась. Они шли к машине медленно, ели и спорили, у кого вкуснее. Вечером Елена впервые за долгое время написала мужу не список новостей, а целую сцену. Оставила в ней и короткий рукав, и ошибку, и смех. Не стала превращать хороший день в безупречный.

Вечером Кочетов вернулся к разговору о сроках, но уже осторожнее, с оговорками. Носов не спорил. Он зашивал разошедшийся шов на полотенце и подносил ткань близко к глазам.

Павел наблюдал за ним и думал, что ему прежде никогда не приходилось находиться рядом с чужим человеком так долго, чтобы увидеть, как тот бережет старую вещь.

На обороте исписанного листка все еще просвечивало число двадцать три.

Он положил письмо поверх.

Глава 12

Общий воздух

Утро начиналось раньше, чем Павел успевал закончить сон.

Звук в коридоре, голоса, движение за дверью, чужой локоть на краю матраса. Потом приходилось разбираться, кому сейчас нужно к раковине, кто не убрал посуду, почему под столом снова мокро. По отдельности все это было незначительным. Вместе отнимало силы так, будто он весь день разгружал машину.

К завтраку принесли кашу и хлеб. Носов разделил то, что добавляли из своих продуктов. Кочетов заявил, что кусок сыра сегодня меньше вчерашнего.

— Вчера у тебя глаз был голоднее, — ответил Носов.

— Глаз у меня один и тот же.

— Вот именно.

Павел ел медленно. Желудок по утрам сжимался, а потом внезапно хотелось есть все подряд. Он стеснялся этого нового голода и однажды поймал себя на том, что смотрит, сколько осталось в чужой миске.

Раз в несколько дней бытовой порядок ломался из-за простой необходимости вымыться. Пока ждали своей очереди, все начинали двигаться одновременно: доставали вещи, проверяли, что взяли, спорили о том, кто занял проход. Павел долго не мог привыкнуть к необходимости собираться ради действия, которое дома почти не замечал.

В помещении было влажно. Человек рядом кашлял, кто-то торопился, вода на полу отражала свет. Павел старался не задеть чужое и не смотреть туда, куда не нужно. Собственная осторожность утомляла. Хотелось один раз закрыть дверь, повесить полотенце где удобно и не думать ни о чьих локтях.

Вернувшись, он обнаружил, что забыл маленькую вещь. Не дорогую, заменимую. Но раздражение накрыло так резко, что он едва не сорвался на молодого соседа.

Носов выслушал, дал временно свое и попросил вернуть не когда-нибудь, а после использования. Без торжественной щедрости. Павел поблагодарил. От конкретного срока благодарность стала проще: ему не предлагали бесконечный долг за помощь, просто выручили.

После этого он стал записывать небольшие нужды перед отправкой письма Елене. Раньше стыдился просить по мелочам, стараясь выглядеть человеком, который держится. Но мелочи все равно существовали. Их приходилось либо назвать, либо злиться на весь день из-за того, что одна забытая вещь лишала последнего удобства.

С бельем оказалась связана отдельная наука. Чистые вещи нужно было сохранить сухими, выстиранные — разместить так, чтобы они никому не мешали и все-таки высохли. Павел привык бросать рубашку в корзину, из которой она через день возвращалась на плечики. Он знал, сколько стоит работа человека, который за этим следит, но саму работу почти не представлял.

Однажды он слишком щедро насыпал порошок. Вода долго оставалась скользкой. Мусаев увидел, как Павел полощет футболку уже в который раз, и спросил, хочет ли тот отстирать ткань или растворить.

— Там написано столько, — ответил Павел.

— Там на целую машину написано.

Егор поднял голову от книги.

— Паша просто оптом привык.

Смеялись все, и сначала Павел рассердился. Потом посмотрел на белую пену, которую никак не мог убрать, и рассмеялся тоже. Смех не отменил неловкости. Но после него можно было попросить показать, как правильно.

На следующий день он сам заметил, что полотенце у молодого соседа касается грязной трубы. Перевесил. Потом спохватился, позвал и объяснил, что сделал. Сосед кивнул без особенной благодарности. Павел поймал себя на том, что все-таки ждал ее, и разозлился уже на себя.

На прогулку их вывели после ожидания. Павел успел вспотеть в верхней одежде. Дворик представлял собой пространство, где небо оказалось разрезано решеткой. Он знал, что так будет, но все равно остановился при первом взгляде вверх.

Снег лежал у стены узкой полосой. Кочетов сказал, что к выходным потеплеет. Никто не спросил, откуда он знает. Разговор о погоде нужен был независимо от точности.

Мусаев шел рядом. Они двигались вдоль стен, поворачивали, снова двигались. Через несколько кругов Павел перестал смотреть перед собой и врезался плечом в соседа.

— Здесь в голове ходить нельзя, — сказал Мусаев. — Места мало.

Потом они говорили о работе. Не о деле, а о том, как Павел организовывал перевозки. Мусаев заинтересовался, почему простой грузовика обходится дороже дополнительных рабочих рук. Павел начал объяснять, увлекся и впервые за долгое время забыл следить за собственным голосом.

Кочетов вклинился с историей про знакомого, который вывез за границу целый завод по документам на металлолом. История была неправдоподобной. Мусаев дал ему договорить и потом спросил:

— А завод-то работал?

— Так вывезли же.

— Значит, ты два разных завода рассказываешь.

Смеялись долго. Сотрудник у двери несколько раз посмотрел на них, но ничего не сказал.

После возвращения пространство камеры показалось еще теснее. Павел захотел, чтобы все хотя бы на десять минут замолчали. Но Носов объяснял что-то молодому соседу, Кочетов кашлял, на верхней койке читали новости из старой газеты. Он лег лицом к стене и услышал, как за перегородкой кто-то напевает.

Павел стиснул зубы.

Мусаев проходил мимо, заметил.

— Скажи.

— Что?

— Чтобы потише.

— Это поможет?

— Иногда да.

Павел попросил. Пение прекратилось. Мир не разрушился, никто не посчитал его слабым или надменным. Такое простое устройство отношений казалось почти подозрительным.

Проверка вещей началась, когда Павел как раз разложил письма. Он успел сложить их вместе, но потом пришлось встать и отойти. Привычный камерный порядок за несколько минут перестал существовать: матрасы сдвинулись, пакеты оказались не там, обувь выставили в проход.

Один сотрудник попросил назвать, кому принадлежит сверток. Кочетов ответил громче необходимого. Носов потянул его за рукав, и Виктор замолчал с лицом человека, которого заставили признать чужое право на собственные носки.

Павел смотрел, как поднимают его тонкую стопку бумаги. Никакой тайны в верхнем письме не было: школьные дела, просьба сообщить, что нужно. От этого не становилось легче

видеть лист в чужих пальцах. Он хотел объяснить, что страницы лежали по порядку. Понял, насколько беспомощно прозвучит такая просьба, и стиснул зубы.

Фотография Тимофея выскользнула на пол. Павел шагнул вперед, его остановили. Один из сотрудников нагнулся, поднял снимок и положил на стол лицом вверх. Не улыбнулся, ничего не спросил. Павел запомнил его руку сильнее лица.

Когда все закончилось, Егор молча помог вернуть матрас. Мусаев собирал рассыпавшиеся вещи, Кочетов ворчал, что теперь опять искать. Камера наполнилась мелкой сердитой работой. Никто не хотел делать ее торжественной.

Носов увидел, как Павел проверяет конверты.

— Все?

— Вроде.

— Тогда сначала убери. Потом считай еще раз.

Павел сел. На фотографии появилась маленькая вмятина возле края. Он попробовал разгладить ее пальцем и остановился, боясь испортить сильнее. Изображение сына не пострадало. Но некоторое время Павлу казалось, что чужая рука все еще остается между ним и этим лицом.

Позднее Мусаев спросил, не нашел ли он среди своих вещей маленький листок. Павел стал искать сразу. Артур улыбнулся, увидев торопливость.

— Не пропал человек. Бумажка.

Павел нашел лист под упаковкой и подал. Это оказалась половина обычного списка покупок для передачи. Он все равно почувствовал облегчение, как будто вернул кому-то большее.

Днем Носов рассказывал, как его жена выращивает помидоры на застекленном балконе. Каждый год одинаковые, невкусные, но он все равно хвалит.

— А теперь? — спросил Павел.

— Теперь в письме хвалю. Она фотографии присылает.

Носов показал снимок. Усталое растение в пластиковой емкости, за стеклом — соседний дом. Павел смотрел слишком долго.

— Чего ты? — спросил Носов.

— Она для тебя выращивает.

— Не обольщайся. Она давно выращивает. Я просто основной потребитель ее сельхозпродукции.

Он сказал это весело, но фотографию убрал осторожно, в отдельный конверт.

После обеда молодой сосед случайно задел чашку. Чай пролился на Носовы бумаги.

Сначала никто не сказал ни слова. Парень попытался вытереть рукавом, от чего стало хуже. Носов резко поднялся, и Павел впервые увидел в нем не спокойного бухгалтера, а человека, которому не хватает сна, пространства и сил терпеть.

— Руками смотри, — сказал Носов слишком громко.

— Я случайно.

— Я вижу, что не по плану!

Парень отшатнулся. Мусаев поднял листы, попросил ткань. Павел помог разложить мокрое. Несколько минут все двигались сосредоточенно, стараясь не усугубить. Кочетов хотел пошутить и впервые вовремя передумал сам.

Когда закончили, Носов сел. На одном из листов расплылось больше, чем на остальных. Павел увидел внизу знакомое начало: «Боря, ты только не переживай...».

Это были не расчеты.

Молодой сосед снова извинился, уже тихо. Носов кивнул, не поднимая лица. Позже позвал его и объяснил, куда лучше ставить чашку. Не нравилось, почти устало. Добавил:

— Я тоже не орать должен был.

Парень не сразу нашел ответ.

— Да ладно.

— Не ладно. Просто знаю теперь.

Павел слушал и вспоминал собственные разборки в компании. Там он мог извиниться после вспышки, но обычно не делал этого: считал, что правота по существу покрывает тон. Здесь правота по существу тоже существовала — письма действительно испортили. Она почему-то не отменяла необходимости сказать другую правду.

Позже они с Носовым восстанавливали отдельные фразы по памяти. На половине листа текст сохранился. Остальное бухгалтер помнил почти дословно, хотя раньше жаловался, что жена пишет слишком много про огород и соседей.

— Так ты все выучил, — заметил Павел.

Носов пожал плечами.

— Читать-то больше нечего.

Он попытался пошутить, но Павел не поддержал. Подвинул чистую бумагу и записал следующую строку, которую тот произнес.

Ближе к вечеру Егор предложил сыграть в слова. Не потому, что любил эту игру: у телевизора пропал звук, а молчать было слишком долго. Сначала Кочетов объявил занятие детским, потом первым стал спорить, существует ли слово, которое назвал Мусаев.

Павел вспомнил длинное название детали из своего бизнеса. Произнес его с удовольствием человека, наконец получившего преимущество. Егор попросил объяснить значение. Объяснение заняло минуту и потребовало еще трех неизвестных слов.

— Так не пойдет, — решил Кочетов. — У тебя там целый завод в одном существительном.

Носов проверил по старому словарю, который несколько дней лежал без дела. Слово оказалось настоящим. Павел почувствовал несоразмерную радость и сразу подумал, что Тимофей бы оценил такую победу. Сын любил правила именно затем, чтобы найти в них лазейку.

Он рассказал, как Тимофей однажды назвал в игре «маму», а на следующем круге — «мамочку» и обиделся на возражения. Мусаев засмеялся, потом вспомнил свою дочь. Егор рассказал про младшего брата. Даже Кочетов некоторое время не перебивал.

В общей комнате стало на несколько минут больше людей, чем было тел. Чужие семьи существовали здесь в смешных ошибках, прозвищах, неудачных покупках. Павел слушал и испытывал почти благодарность за то, что не обязан немедленно возвращаться к своей беде. Потом игра закончилась, и пустое место рядом с ним обозначилось еще яснее. Он взял бумагу и записал сыну слово, с которым победил, попросив проверить, сумеет ли тот выговорить.

Вечером Павел спросил, почему Носов почти не расспрашивает людей об обвинениях.

— А мне зачем? — ответил тот. — От меня сейчас зависит, уступлю ли я тебе место к столу. Для этого дело на двадцать томов читать не надо.

— Но знать же хочется.

— Хочется многое. Не все полезно.

Павел подумал об этом перед сном.

На соседнем месте лежал Виталий, которого привели два дня назад. Обычно он молчал, объяснял, что мучается зубом. Но сейчас, когда разговор зашел о фамилии свидетеля по делу Павла, он приподнялся на локте и переспросил имя. Сразу после ответа лег обратно.

Позже Носов пересказывал смешной эпизод про балкон. Виталий не слушал.

Павел отвернулся к стене. Тишины здесь не существовало, но теперь его больше беспокоило, что именно из этого общего шума кто-то выбирает себе на память.

Глава 13

Два объяснения синяка

Лукина пришла с копиями, на которых лежали желтые бумажные закладки. Павел сразу узнал ее рабочее настроение: говорить придется точно, жаловаться вообще не получится.

Она попросила еще раз восстановить ночь. Не торопила. Если он не помнил время, требовала не угадывать. Записывала паузы, переходы, кто входил и кто выходил.

— Мне кажется, это уже все бесполезно, — сказал Павел.

— Усталость — не процессуальный результат.

— Я не про усталость.

— Тогда скажите, про что.

Он посмотрел на дверь.

— Они же все равно напишут свое.

— Напишут. А мы будем сравнивать с тем, что уже написано.

Первое объяснение Грачева относилось к задержанию. Второе допускало их возникновение раньше, при обстоятельствах, которые оперативнику неизвестны. Медицинская запись, сделанная после доставления, не описывала части того, что появилось к следующему осмотру. Между двумя осмотрами существовали часы, когда Павел находился под контролем конкретных людей.

Лукина показывала ему листы последовательно. Он впервые увидел, как из маленьких точных несоответствий получается не просто возмущение, а вопрос, на который кто-то обязан ответить.

— Они скажут, что не заметили.

— Пусть объясняют, что именно и почему. Не надо за них делать работу.

Он неожиданно засмеялся. Смех задел губу, пришлось поморщиться.

— Вы так всегда разговариваете?

— Когда устала, хуже.

Лукина подала очередное обращение. Она не обещала, что завтра появится справедливое начальство и всех расставит по местам. Некоторые заявления возвращались с общими формулировками. На другие отвечали после напоминаний. Одно перенаправили, и несколько дней они выясняли, кто теперь его рассматривает.

Павла раздражало, что адвокат не сердится вслух. Ему хотелось ярости, которая соответствовала бы его положению. Лукина отвечала, что ярость не поможет человеку, читающему приложение на пятой странице.

Лукина задержалась в коридоре перед выходом. Ее телефон показывал несколько пропущенных. Она перезвонила дочери и первым делом сказала, что помнит про ужин. По паузе поняла: о другом забыть уже успела.

— Мам, я не про ужин. Ты обещала съездить со мной.

Ирина Николаевна закрыла глаза.

— Сегодня не получится.

На другом конце не стали спорить. Это оказалось хуже упрека. Дочь сказала, что найдет кого-нибудь другого, и попросила поесть хотя бы нормально.

Лукина убрала телефон в сумку и задержала взгляд на потертом крае папки. Опять чужая срочность заняла весь день, а дочери досталось «потом». Ирина Николаевна поправила ремень сумки. Важное дело ничего перед дочерью не оправдывало.

У выхода она купила невкусный бутерброд. Съела половину, завернула остаток. Потом вернулась к записям, потому что время медицинского осмотра следовало уточнить сегодня.

Завтра от этого факта не стало бы меньше пользы, но кто-то мог забыть имя дежурного, а она сама — перестать слышать точную фразу Павла среди остальных.

Когда ее позвали к Савельеву, она убрала недоеденный бутерброд в боковой карман сумки. Он придавал ей досадно обыкновенный вид. Ирина Николаевна заметила это в темном стекле двери, поправила волосы и вошла.

Савельев вызвал ее отдельно после очередного действия.

— Вы понимаете, куда это ведет?

— Надеюсь, к проверке.

— Не надо играть словами. У нас убийство.

— Именно поэтому показания нельзя получать так, чтобы потом спорить, что человек говорил добровольно.

— Признания нет вообще.

— Следовательно, неудача давления делает его допустимым?

Савельев отвернулся к окну. Он не собирался защищать Грачева. Во всяком случае, именно так объяснял себе собственное раздражение. Но в словах Лукиной слышалась оценка не только чужих действий, и это мешало оставаться спокойным.

— Я направил материалы, — сказал он.

— Я ознакомлюсь с ответом.

Павел видел их после разговора: следователь вышел с лицом, по которому легко было догадаться о содержании. У Лукиной выражение не изменилось.

Возвращаясь в камеру, Павел впервые заметил, как сотрудник произносит его фамилию осторожнее. Раньше обращались коротко и почти не ждали реакции. Теперь следили, чтобы он услышал. Перемена была маленькой, но она доказывала: даже здесь что-то можно сдвинуть.

Вечером он рассказал Носову о жалобе. Тот выслушал внимательно, без победных слов.

— И хорошо, — сказал. — Должно быть записано.

— Они после этого начнут осторожнее.

— Хотелось бы.

— Значит, это может повлиять на все дело.

Носов не стал отвечать.

При следующей встрече Павел спросил об этом Лукину. Она сняла очки и потерла переносицу.

— За то, что с вами сделали, должны ответить. Я этого добиваюсь. Но кровь, нож и показания свидетелей от этого не исчезнут.

Он молчал.

— Нельзя рассчитывать на единственный рычаг, Павел Андреевич. Я обязана вам это сказать.

— Вы обязаны меня защищать.

— Это часть защиты.

Разговор закончился холоднее обычного. Позже Павел пожалел о своем тоне, но в следующий раз так и не извинился. Лукина больше не возвращалась к этой минуте. Он чувствовал, что она заметила отсутствие извинения, и злился на нее еще немного.

Глава 14

Дело соседа

Мусаев вернулся после заседания бледным, с красным следом на переносице. Очков у него не было; след остался от того, как он долго прижимал лицо к ладоням.

Он отказался от чая, забрался на свое место и затих. Даже Кочетов не стал спрашивать, сколько дали. Решения еще не было, но в камере быстро различали усталость дороги и усталость от услышанного.

К вечеру Мусаев спустился.

— Ручку дашь?

Павел протянул. Мусаев написал несколько строк, зачеркнул, перевернул лист. Снова начал. Через некоторое время скомкал бумагу.

— Не выходит.

— Что написать надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.